

Край и Восток

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ШЕСТЕРКА ВОРОНОВ»
ЛИ БАРДУГО

Ли Бардуго
Крах и восход
Серия «ГришиВерс»
Серия «Гриши», книга 3
Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36313111

Ли Бардуго Крах и восход:
ISBN 978-5-17-108822-4

Аннотация

Столица пала. Дарклинг правит Равкой. Ответственность за судьбу страны ложится на плечи сломленной заклинательницы Солнца, опального следопыта и жалких остатков некогда великой магической армии. Горечь поражения и тягостные мысли о безрадостном будущем подтачивают их силы, но Алина верит в лучшее – ее дух поддерживают поиски неуловимой жар-птицы и надежда, что принц-изгнанник жив.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	41
Глава 3	58
Глава 4	84
Глава 5	101
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ли Бардуго

Крах и восход

Leigh Bardugo

RUIN AND RISING

Печатается с разрешения New Leaf и литературного агентства Andrew Nurnberg

Серия «Миры Ли Бардуго. Grishaverse»

Copyright © 2014 by Leigh Bardugo

© А. Харченко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моему отцу Харви.

Порой наши герои не доживают до конца.

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ

(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ

ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ

(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ

ИНФЕРНЫ

ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ

(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ

АЛКЕМЫ

Пролог

Гигантского червяка звали Изумруд, и ходили слухи, что именно он проделал туннели, раскинувшиеся под Равкой. Прожорливое чудовище съедало ил и щебень, закапываясь все ниже и ниже в поисках чего-то, что утолило бы голод, пока не оказалось слишком глубоко под землей, затерявшись во тьме.

Это просто легенда, но жители Белого собора все равно побаивались отходить слишком далеко от проходов, разветвляющихся вокруг главных пещер. В тусклых лабиринтах туннелей разносилось эхо странных звуков – стоны и бурчание; в зябких закоулках тишину нарушало тихое шуршание, которое могло ничего не значить, а могло быть шорохом длинного извивающегося тела, ползущего по ближайшему проходу в поисках добычи. В такие моменты было легко поверить, что Изумруд до сих пор обитает где-то, ожидая, когда ему бросят вызов герои, и мечтая о прекрасном ужине из какого-нибудь несчастного ребенка, который забредет к нему в пасть. Такие чудища не умирают; они затаиваются на время.

Мальчик рассказал девочке эту легенду и многие другие – все новые слухи, которые удалось собрать в те дни, когда ему еще дозволялось ее посещать. Он предпочитал сидеть рядом с ее кроватью, упрашивая что-нибудь съесть, слушая

болезненные хрипы в ее легких и рассказывая предание о реке, укрощенной могущественным проливным и обученной просачиваться сквозь слои горных пород в поисках волшебной монеты. Мальчик шепотом поведал о проклятом бедняге Пелекине, который тысячу лет орудовал волшебной киркой, оставляя за собой пещеры и проходы – одинокое существо в поисках золота и драгоценностей, которые ему не суждено было тратить.

Но одним утром мальчик обнаружил, что путь к комнате девочки перекрыт вооруженными мужчинами. И когда мальчик отказался уходить, его оттащили от двери в цепях. Священник предостерег, что вера принесет ему успокоение, а покорность – позволит дышать.

Запертая в клетке, совсем одна, если не считать капающей воды и медленного биения собственного сердца, девочка знала, что легенды об Изумруде – правда. Ее слопали целиком, поглотили, и под алебастровыми сводами Белого собора осталась только святая.

* * *

Каждый день святая просыпалась под звуки воспевания собственного имени, и каждый день ее армия прирастала. Ряды пополнялись изголодавшимися и потерявшими надежду, ранеными солдатами и детьми, едва повзрослевшими, чтобы держать ружье в руках. Священник говорил верую-

щим, что однажды она станет королевой, и они верили. Но ее побитые и загадочные придворные вызывали вопросы: смольноволосяя шквальная с острым язычком, Сокрушенная, скрывающая безобразные шрамы под черной паломнической шалью, бледный ученый, ютящийся со своими книгами и странными инструментами. Все они были жалкими остатками Второй армии – неподходящая компания для святой.

Мало кто знал, что она сломлена. Чем бы ни была ее сила – благословением или проклятьем, она исчезла – ну или, по крайней мере, находилась вне доступа. Последователи держались от святой на расстоянии и не могли видеть, что ее глаза стали темными впадинами, что дышала она прерывистыми рывками, будто в испуге. Ходила она медленно, осторожно неся свои иссохшие хрупкие кости – болезненная девочка, на которую возлагались все надежды.

На поверхности правил новый король со своей призрачной армией, и он требовал возвращения заклинательницы Солнца. Он сыпал угрозами и сулил награды, но получил в ответ вызов от разбойника, которого люди окрестили Принцем Воздуха. Он ударил по северной границе, подорвав линии снабжения, и тем самым принудил Короля Теней возобновить торговые пути и путешествовать через Каньон неудачу, под защитой лишь огня инфернов, чтобы приструнить монстров. Некоторые поговаривали, что этим дерзким соперником был принц Ланцов. Другие считали, что это

фьерданский мятежник, отказавшийся сражаться на стороне ведьм. Но все сходились в одном: он тоже могущественен.

Святая сотрясала прутья своей подземной клетки. Это – ее война, и она требовала свободы, чтобы бороться. Священник ей запретил.

Но он забыл, что, прежде чем стать гришей и святой, она была привидением Керамзина. Они с мальчиком копили тайны, как Пелекин копил сокровища. Они умели быть и ворами, и фантомами, умели скрывать силу так же искусно, как шалости. Как и учителя в поместье князя, священник думал, что знает, на что способна девочка.

Но он ошибался.

Он не слышал их тайного языка, не понимал решимости мальчика. Не заметил того момента, когда девочка перестала нести свою слабость как бремя и начала носить ее как обличье.

Глава 1

Я стояла на высеченном в камне балконе, раскинув руки, дрожа в своей жалкой мантии, и пыталась играть хороший спектакль. Мой кафтан был сшит из лоскутков наряда, в котором я сбежала из дворца, и пестрых штор, которые, как мне сказали, изъяли из закрывшегося театра где-то рядом с Салой. Отделку составляли бусины, снятые с люстры в тамошнем фойе. Вышивка на рукавах пообтрепалась. Давид и Женя сделали все возможное, но их ресурсы под землей ограничены.

Издалека кафтан выглядел вполне сносно, мерцая золотом в свете, который будто бы исходил из моих ладоней, посылая яркие лучи на восторженные лица последователей далеко внизу. Вблизи же было видно, что нити распустились, а блеск – искусственный. Прямо как я. Потрепанная святая.

Голос Апрата громом пронесся по Белому собору, и толпа закачалась с закрытыми глазами и воздетыми руками, как маковое поле, где руки – словно бледные стебельки, потревоженные ветром, которого я не чувствовала. Я повторила хореографическую серию жестов, двигаясь медленно, чтобы Давид и любой инферн, помогавший ему этим утром, могли проследить за моими действиями со своего места в нише, скрытой прямо над балконом. Утренние молитвы приводили меня в ужас, но, по словам священника, эти напускные

представления были необходимы.

«Это – твой дар людям, Санта-Алина, – говорил он. – Это – надежда».

На самом деле это иллюзия, тусклый намек на свет, над которым я некогда властвовала. Золотые отблески – в действительности огонь инферна, отраженный от разбитой зеркальной тарелки, которую Давиду удалось смастерить из спасенных осколков. Она походила на те тарелки, которые мы использовали в неудачной попытке остановить орду Дарклинга во время битвы в Ос Альте. Нас застали врасплох, и ни моя сила, ни наша стратегия, ни изобретательность Давида и предприимчивость Николая не смогли предотвратить бойню. С тех пор мне не удавалось призвать даже лучик света. Но большинство из прихожан Апрата никогда не видели, на что способна их святая, так что пока этой уловки было достаточно.

Священник завершил проповедь. Это был наш сигнал к финалу. Инферн позволил свету ярко вспыхнуть вокруг меня. Луч лихорадочно подпрыгивал и дрожал, а затем наконец померк, когда я опустила руки. Что ж, зато теперь я знаю, кто сегодня на огненном дежурстве с Давидом. Кинула хмурый взгляд на пещеру. *Хэршоу*. Его постоянно заносило. Из битвы в Малом дворце вышло три инферна, но одна умерла от ранений всего через пару дней. Один из двух оставшихся, *Хэршоу*, был самым могущественным и непредсказуемым.

Я спустилась с платформы, желая побыстрее избавиться

от общества Апрата, как вдруг оступилась и подалась вперед. Священник схватил меня за руку и придержал.

– Осторожнее, Алина Старкова. Ты слишком беспечно относишься к своей безопасности.

– Спасибо, – кивнула я. Мне хотелось отстраниться от него, и от выворачивающего наизнанку смрада сырости и ладана, который тянулся за ним, куда бы он ни шел.

– Ты сегодня плохо себя чувствуешь?

– Нет, просто неуклюжая.

Мы оба знали, что это ложь. Я окрепла с тех пор, как пришла в Белый собор – мои кости срослись, еда оставалась в желудке, – но все равно оставалась хилой, тело изнывало от болей и постоянной усталости.

– Возможно, тебе не помешает день отдыха.

Я сжала челюсти. Очередной день взаперти в моей пещере. Подавила чувство раздражения и слабо улыбнулась. Я знала, что он хочет увидеть.

– Я замерзла. Немного отогреться в котельной было бы кстати.

Строго говоря, это правда. Кухня – единственное место в Белом соборе, где не так сыро. Сейчас уже должны были разжечь как минимум один из утренних очагов. Большая круглая пещера наполнится запахами свежесдобитого хлеба и сладкой каши, которую повара готовили из сухого гороха и порошкового молока – запасов, поставляемых союзниками с поверхности и накопленных пилигримами.

Я вздрогнула для верности, но единственным ответом священника было уклончивое «ГМ-М».

Мое внимание привлекло движение на входе в пещеру: новоприбывшие паломники. Я невольно присмотрелась к ним со стратегической точки зрения. На некоторых была форма, говорившая, что они дезертировали из Первой армии. Все были юными и трудоспособными.

– А где ветераны? – поинтересовалась я. – И вдовы?

– Путь под землю нелегок, – ответил Апрат. – Многие слишком старые или слабые, чтобы его преодолеть. Они предпочитают оставаться в своих уютных домах.

Сомнительно. Паломники приходили и на костылях, и с клюками, невзирая на старость и немощность. Даже находясь при смерти, они желали кинуть прощальный взгляд на заклинательницу Солнца. Я осторожно обернулась через плечо и смогла заметить стражей священника, стоящих на страже в арке. Они были монахами-книжниками, как Апрат, и под землей только им дозволялось носить оружие. На поверхности они служили привратниками, разоблачали шпионов и неверующих, а также предоставляли убежище тем, кого считали достойными. В последнее время число пилигримов сократилось, а те, кто все же пополнял наши ряды, казались скорее крепкими, чем набожными. Апрат нуждался в потенциальных солдатах, а не только ртах, чтобы кормить.

– Я могла бы навестить немощных и стариков, – предложила я. Знала, что спорить бессмысленно, и все равно произ-

несла это. Ответ можно было предугадать наперед. – Святая должна выходить к своим людям, а не прятаться, как крыса, в лабиринте пещер.

Священник улыбнулся той доброжелательной, снисходительной улыбкой, которую обожали паломники и которая вызывала у меня желание закричать.

– В тяжелые времена большинство животных уходят под землю. Так они выживают, – сказал он. – Когда глупцы прекращают воевать, именно крысы правят на полях брани и в городах.

«И питаются мертвечиной», – подумала я, поежившись. Словно прочитав мои мысли, священник опустил руку мне на плечо. Его длинные бледные пальцы распластались на нем, как восковой паук. Если Апрат предполагал, что этот жест должен меня утешить, у него ничего не вышло.

– Терпение, Алина Старкова. Мы взойдем, когда придет время, не раньше.

Терпение. Таково было его предписание. Я подавила желание коснуться голого запястья, пустого места, предназначенного для костей жар-птицы. Я добыла чешую морского хлыста и рога оленя, но последний кусочек головоломки Морозова отсутствовал. Возможно, третий усилитель был бы уже у нас, если бы Апрат отправил своих людей на охоту или просто позволил нам вернуться на поверхность. Но у этого разрешения была своя цена.

– Мне холодно, – напомнила я, пряча глубже свое раздра-

жение. – Хочу в котельную.

Он нахмурился.

– Мне не нравится, что ты общаешься с этой девушкой...

Стража позади нас яростно зашептала, и до меня донеслось слово. *Сокрушенная*. Я отмахнулась от руки Апрата и шагнула в проход. Святые стражи вытянулись по стойке «смирно». Как и их братья, они были одеты в коричневое и носили на груди эмблему в виде золотых солнечных лучей, тот же символ значился на мантии Апрата. *Мой* символ. Но они никогда не смотрели на меня прямо и ни разу не заговаривали ни со мной, ни с другими беженцами-гришами. Вместо этого стражи молча стояли по углам комнат и следовали за мной по пятам, как бородатые вооруженные призраки.

– Я запретила так ее называть, – сказала я. Они продолжали смотреть прямо перед собой, словно я была невидимкой. – Ее зовут Женя Сафина, и если бы не она, я бы до сих пор оставалась пленницей Дарклинга.

Никакой реакции. Но я заметила, как они напряглись при упоминании ее имени. Взрослые мужики с ружьями боятся изуродованную шрамами девушку! Суеверные идиоты!

– Спокойно, Санта-Алина, – примирительно сказал Апрат, беря меня под локоть, чтобы отвести по проходу в свою комнату для аудиенций.

Потолок из каменной породы с серебристыми прожилками был украшен резьбой в форме розы, а стены расписаны святыми с золотыми нимбами. Должно быть, это работа фаб-

рикаторов – ни один обычный пигмент не выдержал бы холода и сырости Белого собора. Священник устроился на низком деревянном стульчике и предложил мне занять другой. Я попыталась скрыть свое облегчение, оседая на него. Силы покидали меня даже от долгого стояния.

Апрат присмотрелся ко мне, отмечая тусклую кожу, темные круги под глазами.

– Наверняка *Женя* способна на большее.

С моей битвы с Дарклингом прошло больше двух месяцев, но я никак не могла оправиться. Впавшие щеки образовали сердитую гримасу на моем лице, а белая копна волос так истончилась, что походила на паутину. В конце концов мне удалось уговорить Апрата позволить Жене видеться со мной на кухне в обмен на обещание, что она поработает над моей внешностью и придаст мне более презентабельный вид. Она единственный гриш, с которым я общалась за последние недели. Я наслаждалась каждым мгновением, каждой входящей до меня ничтожной новостью.

– Она старается изо всех сил.

Священник вздохнул.

– Полагаю, нам всем нужно проявить терпение. Ты исцелишься со временем. При помощи веры. И молитв.

Меня охватила ярость. Он чертовски хорошо знал, что меня может исцелить только использование силы, но для этого нужно вернуться на поверхность.

– Если бы вы позволили мне рискнуть подняться наверх...

– Ты слишком ценна для нас, Санта-Алина, а риск – слишком велик, – он виновато пожал плечами. – Если ты не будешь заботиться о своей безопасности, придется мне этим заняться.

Я промолчала. Мы часто играли в эту игру, еще с тех пор, как меня сюда привели. Апат многое для меня сделал. Он единственная причина, по которой мои гриши спаслись из битвы с чудовищами Дарклинга. Он дал нам убежище под землей. Но с каждым днем Белый собор казался больше темницей, чем укрытием.

Он сцепил пальцы вместе.

– Месяцы идут, а ты все мне не доверяешь.

– Доверяю, – солгала я. – Как же иначе.

– И тем не менее, ты не даешь мне помочь. Если мы раздобудем жар-птицу, все может измениться.

– Давид работает над записями Морозова. Уверена, ответ кроется в них.

Апат вперился в меня взглядом своих черных глаз. Он подозревал, что я знаю о местонахождении жар-птицы – третьего усилителя Морозова и ключа к раскрытию силы, которая может побороть Дарклинга и уничтожить Каньон. Он прав. По крайней мере, я на это надеялась. Единственная наша подсказка о ее местопребывании была закопана в моих скудных детских воспоминаниях и надежде, что пыльные руины Двух Столбов не так просты, как кажется. Так или иначе, возможную локацию жар-птицы я намеревалась хранить

в секрете. Я была изолирована под землей, почти бессильна, и за мной постоянно следили святые стражи. Мне не хотелось расставаться со своим единственным преимуществом.

– Я желаю тебе только лучшего, Алина Старкова. Тебе и твоим друзьям. Выжили столь немногие. Если с ними что-нибудь случится...

– Оставьте их в покое, – прорычала я, позабыв об игре в вежливость и покорность.

Мне не понравился пронизательный взгляд Апрата.

– Я просто имел в виду, что подземелье непредсказуемо, тут может всякое случиться. Я знаю, что каждая потеря сильно по тебе ударит, а ты и так очень *слаба*. – При последнем слове его губы растянулись, открывая десны. Они были черными, как у волка.

И снова меня захлестнула волна гнева. С первого дня в Белом соборе в воздухе чувствовалась угроза, держа меня под постоянным давлением страха. Апрат никогда не упускал возможности напомнить о моей уязвимости. Почти не осознавая, я пошевелила пальцами в рукавах. По стенам комнаты поползли тени.

Апрат вжался в стул. Я нахмурилась, изображая недоумение.

– Что-то не так?

Он прочистил горло, глазки забегали вправо-влево.

– Нет... ничего, – с запинкой ответил священник.

Я позволила тням отступить. Его реакция стоила наплы-

ва головокружения, охватывающего меня каждый раз при проделывании этого трюка. На этом мои способности заканчивались. Я могла заставить тени прыгать и плясать, но не более. Это печальное тихое эхо способностей Дарклинга, отголоски силы, использованной в противостоянии, которое чуть не убило нас обоих. Я обнаружила ее, когда пыталась призвать свет, и делала все возможное, чтобы развить ее во что-то большее, что-то, чему я могла бы противостоять. Безуспешно. Тени казались наказанием, призраками великой силы, служившей единой цели – насмехаться надо мной, святой фарсов и зеркал.

Апрат встал, пытаясь вернуть самообладание.

– Ты пойдешь в архив, – решил он. – Время за тихими штудиями и созерцанием поможет прояснить разум.

Я подавила стон. Это действительно наказание – часы, потраченные на бесплодное просматривание старых религиозных текстов в поисках сведений о Морозове. Не говоря уж о том, что в архиве влажно, мерзко и он кишел святыми стражами.

– Я провожу тебя, – добавил Апрат. Еще лучше.

– А котельная? – спросила я, пытаюсь скрыть отчаяние в своем голосе.

– Позже. Сокру... Женя подождет, – ответил он, и я последовала за ним в проход. – Знаешь, тебе ведь необязательно сбегать в котельную. Вы могли бы встречаться с ней здесь. В уединении.

Я покосилась на стражей, следовавших за нами. В уединении, смешно! А вот мысль о том, что мне запретят ходить на кухню, – совсем не смешная. Может, сегодня главный дымоход откроют больше чем на пару секунд. Слабая надежда, но ничего другого мне не оставалось.

– Я предпочитаю котельную. Там тепло. – Я одарила его скромной улыбкой, нижняя губа слегка задрожала, и я добавила: – Она напоминает мне о доме.

Священник любил такое – образ смиренной девицы, жмущейся у кухонного очага, подол мантии пачкается в пепле. Очередная иллюзия, еще одна глава в его книгу о святых.

– Хорошо, – наконец сказал он.

Чтобы спуститься с балкона, понадобилось много времени. Белый собор получил свое название из-за алебастровых стен и огромной главной пещеры, где мы проводили службу по утрам и вечерам. Но он был куда больше – разросшаяся сеть туннелей и пещер, целый город под землей. Я ненавидела каждый его сантиметр. Влагу, которая просачивалась сквозь стены, капала с потолков и собиралась бусинками на моей коже. Холод, от которого некуда деваться. Поганки и ночные цветы, растущие в щелях и трещинах. Я ненавидела способ, которым мы отмечали время: по утренним службам, дневным молитвам, вечерним службам, по дням святых, дням поста и дням нестроного поста. Но больше всего мне претило чувство, что я действительно маленькая крыса, белая и красноглазая, царапающая стены лабиринта своими

немошными розовыми коготками.

Апрат повел меня через пещеры к северу от главного зала, где тренировались солнечные солдаты. Люди жались к каменным стенам или тянулись прикоснуться к моему золотому рукаву, пока мы проходили мимо. Шагали мы медленно и горделиво – вынужденно. Я не могла идти быстрее, чтобы не выбиться из сил. Люди Апрата знали, что я больна, и молились за мое здоровье, но он боялся, что поднимется паника, если они прознают, насколько я хрупкая, насколько по-человечески уязвима.

К тому времени как мы пришли, солнечные солдаты уже начали тренировку. Они – священные воины Апрата, носящие мой символ, вытатуированный на руках и лицах. Большинство из них были дезертирами Первой армии, но другие – просто молодые, дерзкие, готовые умереть. Они помогли спасти меня из Малого дворца, и потери были велики. Святые или нет, они и в подметки не годились ничегоям Дарклинга. И все же на службе у Дарклинга были и воины из числа людей и гришей, так что наши солнечные бойцы продолжали тренироваться.

Только теперь они это делали без настоящего оружия – с деревянными мечами и винтовками, заряженными восковой дробью. Солнечные солдаты отличались от других паломников, в культ солнечной святой их привело обещание перемен. Многие из них были слишком юны и не слишком преданы Апрату и старым церковным обычаям. С моего прибы-

тия в подземелье священник держал их на коротком поводке. Он нуждался в них, но не мог им полностью доверять. Мне было знакомо это чувство.

Святые стражи выстроились вдоль стен, пристально наблюдая за тренировкой. Их пули настоящие, как и лезвия сабель.

Входя в зал, я заметила группку, наблюдавшую за спаррингом Мала и Стигга – одного из двух выживших inferнов. Плечистый, светловолосый и с полным отсутствием юмора – фьерданец до мозга костей.

Мал уклонился от огненной дуги, но вторая вспышка пламени задела его рубаху. Зрители ахнули. Я думала, что он попятится, но вместо этого тот кинулся в бой. Он прыгнул и перекатился, потушив пламя об землю, сбил Стигга с ног и через секунду уже прижимал его лицом к полу. Мал скрутил inferну руки, чтобы тот не мог снова атаковать.

Наблюдавшие солдаты разразились одобрительным свистом и аплодисментами.

Зоя откинула блестящие черные волосы через плечо.

– Отлично, Стигг. Ты скручен и готов к взбучке.

Мал заставил ее умолкнуть одним взглядом.

– Отвлечь, обезоружить и обезвредить, – сказал он. – Главное не паниковать. – Он встал и помог подняться Стиггу. – Ты в порядке?

Тот раздраженно насупился, но кивнул и пошел тренироваться с симпатичной девушкой-солдатом.

– Давай же, Стигг, – сказала она, широко улыбаясь. – Я постараюсь быть с тобой помягче.

Ее лицо выглядело знакомо, но мне потребовалось несколько секунд, чтобы признать ее – Руби. Мы с Малом тренировались с ней в Полизной. Она была в нашем полку. Я помнила ее смеющейся, радушной, счастливой кокеткой, из-за которой я чувствовала себя неуклюжей и жалкой. У нее была все та же яркая улыбка, та же длинная светлая коса. Но даже издали в ней была заметна настороженность, бдительность, приобретаемая в военное время. На правой стороне лица темнело черное солнце. Странно думать, что эта девушка, сидевшая однажды напротив меня в столовой, теперь считала меня божеством.

Апрат и его стражи редко водили меня в архив этой дорогой. Что же изменилось сегодня? Может, он привел меня сюда, чтобы я посмотрела на остатки своей армии и вспомнила цену своих ошибок? Чтобы показать, как мало союзников у меня осталось?

Я наблюдала, как Мал ставит в пары солнечных солдат и гришей. Там были шквальные: Зоя, Надя и ее брат Адрик. Вместе со Стиггом и Хэршоу они были моими последними эфиреалами. Но Хэршоу нигде не было видно. Возможно, он снова завалился спать после того, как призвал мне огонь во время утренней молитвы.

Что же касается корпорялов, единственными сердцеби-тами в тренировочном зале были Тамара и ее огромный

брат-близнец Толя. Я обязана им жизнью, и этот долг меня тяготил. Они были приближенными Апрата, которым поручили обучать солнечных солдат, и они вращали мне месяцами в Малом дворце. Я пока не знала, что с этим делать. Доверие – это роскошь, которую я не могла себе позволить.

Оставшиеся солдаты ждали своей очереди для спарринга. Гришей попросту не хватало на всех. Женя и Давид держались в стороне, да и сражаться не умели. Максим, целитель, предпочитал практиковать свое ремесло в лазарете, хотя мало кто из людей Апрата доверял гришу настолько, чтобы воспользоваться его услугами. Сергей был могущественным сердцебитом, но мне сказали, что он слишком нестабилен, чтобы спокойно подпускать его к ученикам. Он находился в гуще сражения, когда Дарклинг организовал свое неожиданное нападение, и видел собственными глазами, как монстры разорвали его любимую девушку на кусочки. Второй и последний наш сердцебит был убит ничегоями где-то между Малым дворцом и часовней.

«Из-за тебя, – отозвался голос в моей голове. – Потому что ты их подвела».

От мрачных мыслей меня отвлек голос Апрата:

– Мальчишка слишком многое себе позволяет.

Я проследила за его взглядом к Малу, расхаживающему между солдатами, чтобы объяснить что-то одному или исправить другого.

– Он помогает им тренироваться, – сказала я.

– Он раздает приказы. Оретцев! – подозвал его к себе священник. Я напряглась, наблюдая за приближением Мала. Мы едва виделись с тех пор, как ему запретили приходить ко мне в комнату. Помимо тщательно нормированных встреч с Женей, Апрат изолировал меня от всех потенциальных союзников.

Мал изменился. На нем была крестьянская рубашка из грубой материи, служившая ему формой в Малом дворце, но он похудел и побледнел за время, проведенное под землей. Узкий шрам на подбородке выделялся острым рельефом.

Он остановился перед нами и поклонился. В последние месяцы ближе нас друг к другу не подпускали.

– Ты здесь не капитан, – осадил его Апрат. – Толя и Тамара старше тебя по званию.

Мал кивнул.

– Так и есть.

– Тогда почему ты ведешь тренировку?

– Ничего я не веду. Мне есть чему научить. Им есть чему научиться.

«Это верно», – горько подумала я. Мал хорошо поднатренировался в борьбе с гришами. Я вспомнила, как он, разбитый и истекающий кровью, стоял над шквальным в конюшне Малого дворца, какой вызов и презрение читались в его глазах. Я бы с радостью обошлась без этого воспоминания.

– Почему этим новобранцам не нанесли татуировку? – спросил Апрат, указывая на группу, дерущуюся на деревян-

ных мечях у дальней стены. Всем им было не больше двенадцати.

– Потому что они еще дети, – ответил Мал ледяным тоном.

– Это их выбор. Ты же не откажешь им в возможности показать свою верность нашему делу?

– Я отказываю им в том, о чем они пожалеют.

– Это не в нашей власти.

Челюсти Мала заходили желваками.

– Если мы проиграем, эти татуировки заклеят их как солнечных солдат. С тем же успехом они могут хоть сейчас записаться на встречу с расстрельной командой.

– Поэтому на твоем лице нет татуировки? Твоя вера в нашу победу настолько слаба?

Мал покосился на меня, затем снова на Апрата.

– Я храню свою веру для святых, – спокойно ответил он. – А не для людей, которые посылают детей на верную смерть.

Священник прищурился.

– Мал прав, – вмешалась я. – Пусть они останутся непомятыми. – Апрат равнодушно взглянул на меня своими черными глазами. – Пожалуйста, – тихо добавила я, – в знак доброты ко мне.

Я знала, как сильно ему нравится этот голосок – ласковый, теплый, как колыбельная.

– До чего у тебя нежное сердце, – ответил священник, цокая языком. Но я видела, что он доволен. Несмотря на то

что я перечила его желаниям, такой святой он и хотел меня видеть – любящей матерью, утешением для своего народа. Я впиалась ногтями в ладонь.

– Это же Руби, верно? – спросила я, желая сменить тему и отвлечь Апрата.

– Она прибыла пару недель назад, – ответил Мал. – Руби хороша... служила в пехоте.

Я невольно почувствовала крошечный укол зависти.

– Стигг выглядит недовольным, – заметила я, кивая на инферна, который, похоже, решил отыгаться на Руби. Девушка делала все возможное, чтобы постоять за себя, но явно проигрывала бой.

– Ему не нравится быть битым.

– По-моему, ты даже не вспотел.

– Нет, – помотал головой Мал. – И это проблема.

– Почему? – спросил Апарат.

На долю секунды Мал перевел взгляд на меня.

– Проиграв, больше учишься, – он пожал плечами. – Ну, хоть Толя все еще может надрать мне зад.

– Следи за языком! – рявкнул Апарат.

Мал проигнорировал его. Внезапно он прижал два пальца к губам и громко свистнул.

– Руби, ты открыта!

Слишком поздно. Ее коса загорелась. Еще один юный солдат подбежал к ней с ведром воды и вылил его ей на голову.

Я скривилась.

– Постарайся не зажарить их до корочки.

Мал поклонился.

– Моя правительница.

А затем двинулся обратно к воинам.

Этот титул... Произнес он его без привычной злобы, которую я так явственно слышала в Ос Альте, но слова все равно подействовали на меня как удар под дых.

– Ему не стоит так к тебе обращаться, – заметил Апрат.

– Почему?

– Это был титул Дарклинга, и он неуместен для святой.

– Тогда как ему ко мне обращаться?

– Напрямую – никак.

Я вздохнула.

– В следующий раз, когда ему будет что сказать, я прикажу написать мне письмо.

Апрат поджал губы.

– Что-то ты сегодня беспокойная. Думаю, дополнительный час тишины архива пойдет тебе на пользу.

Говорил он с упреком, словно я капризный ребенок, засидевшийся допоздна, вместо того чтобы идти спать. Я заставила себя вспомнить об обещанной мне котельной и выдавила улыбку.

– Уверена, вы правы.

«Отвлечь, обезоружить и обезвредить».

Когда мы свернули к проходу, который вел к архиву, я оглянулась через плечо. Зоя опрокинула солдата на спину и

закружила его, как черепаху, лениво вычерчивая рукой круги в воздухе. Руби что-то говорила Малу – улыбка широкая, лицо страстное. Но Мал смотрел на меня. В тусклом свете пещеры его глаза стали насыщенного голубого оттенка, цвета сердцевины огонька.

Я отвернулась и поспешила за Апратом, пытаюсь усмирить свист в легких. Подумала об улыбке Руби, ее опаленной косе. Милая девушка. Нормальная девушка. Вот в ком нуждался Мал. Если он еще не увлекся кем-то новым, в конце концов это неминуемо произойдет. И однажды я стану достаточно хорошим человеком, чтобы пожелать ему всего наилучшего. Но не сегодня.

* * *

По пути в архив мы встретили Давида. Как обычно, выглядел он неопрятно – волосы торчали во все стороны, рукава испачканы в чернилах. В одной руке у него была чашка горячего чая, из кармана торчал кусочек поджаренного хлеба.

Его взгляд скользнул по Апрату и страже.

– Вы за мазью? – спросил он.

Губы Апрата слегка скривились. Мазью была смесь Давида для Жени. Помимо ее собственных усилий, бальзам помогал заживить худшие из шрамов, но раны от ничегой никогда не исцелялись полностью.

– Санта-Алина пришла для утренних штудий, – торжественно заявил священник.

Давид дернулся, что отдаленно напоминало пожатие плечами, и юркнул в дверной проем.

– Но ты же потом придешь в котельную?

– Я пришлою за тобой стражу через два часа, – сказал Апрат. – Женя Сафина будет ждать тебя, – его глаза осмотрели мое изможденное лицо. – Проследи, чтобы она внимательнее исполняла свои обязанности.

Он отвесил низкий поклон и скрылся в туннеле. Я осмотрела помещение и шумно, разочарованно выдохнула. Архив мог бы стать моим излюбленным местом, с запахом чернил на бумаге и тихим поскрипыванием перьев. Но на деле он был логовом святых стражей – плохо освещаемый лабиринт из арок и колонн, вытесанных в белой скальной породе.

Когда Давид впервые увидел эти маленькие куполообразные ниши, которые частично обвалились, с выставленными в ряд древними книгами и манускриптами, страницы которых почернели от гнили, а корешки набухли от влаги, он единственный раз на моей памяти вспылал. В пещерах было так сыро, что через пол проступали лужи. «Вы не можете... не можете хранить тут записи Морозова! – чуть ли не взвизнул он. – Это же *болото!*»

Теперь Давид коротал свои дни и большую часть ночей в архиве, изучая тексты Морозова, набрасывая теории и зарисовки в собственном журнале. Как и большинство гришей,

он верил, что записи Морозова были уничтожены после создания Каньона. Но Дарклинг ни за что бы не лишил мир таких знаний. Он спрятал журналы, и хоть я так и не доби-лась четкого ответа от Апрата, но подозревала, что каким-то образом священник отыскал их в Малом дворце и выкрал, когда Дарклингу пришлось бежать из Равки.

Я опустила на сиденье напротив Давида. Он притащил стул и стол в самую сухую из пещер и заполнил одну из полок запасным маслом для светильников, а также травами и сме-сями для бальзама Жени. Обычно он корпел над какой-то формулой или что-нибудь чинил, не отрываясь от своего за-нятия часами, но сегодня не находил себе места – суетился с чернилами, постоянно посматривал на карманные часы, ко-торые выложил на стол.

Я вяло пролистывала один из журналов Морозова. От их вида уже тошнило – бесполезные, сбивающие с толку и, что важнее всего, *незавершенные*. Он описывал свои гипотезы касательно усилителей, охоту на оленя, двухгодичное путе-шествие на китобое в поисках морского хлыста, теории на-счет жар-птицы, а затем... ничего. Либо какие-то записи от-сутствовали, либо же Морозов оставил работу неокончен-ной.

Перспектива поисков и использования жар-птицы и без того была достаточно грандиозной. Но мысль о том, что ее может не существовать и мне придется снова сражаться с Дарклингом без нее? Думать об этом было слишком страш-

но, так что я просто отмахнулась от этих размышлений.

Я заставила себя переворачивать страницы. Единственным способом следить за временем были часы Давида. Не знаю, где он их откопал, как заставил работать и соответствовало ли время на них времени на поверхности, но я испепеляла циферблат взглядом и мысленно поторапливала минутную стрелку, чтобы шла быстрее.

Святые стражи приходили и уходили, погруженные в изучение каких-то текстов. Они должны были проливать свет на рукописи, изучать священные писания, но я сомневалась, что их основная работа заключалась в этом. Шпионская сеть Апрата раскинулась по всей Равке, и эти люди считали своим призванием поддерживать ее, расшифровывать послания, собирать информацию, выстраивать культ новой святой. Трудно не сравнивать их с моими солнечными солдатами, большинство из которых были молодыми и неграмотными, не ведающими древних таинств, которые охраняли эти мужчины.

Когда мне окончательно осточертели каракули Морозова, я поерзала на стуле, пытаясь размять затекшую спину. Затем достала старый сборник текстов, где в основном обсуждались молитвы, но в них также описывалась версия мученичества Санкт-Илья.

В этой Илья предстал каменщиком, а соседского мальчишку затоптала лошадь – это что-то новенькое. Обычно мальчика изрезало на кусочки плугом. Но история заканчи-

валась так же, как и все остальные: Илья вернул мальчонку с того света, и за его труды жители деревни бросили мужчину в реку, предварительно сковав железными цепями. В некоторых версиях утверждалось, что он не утонул, а выплыл в море. Другие клялись, что его тело всплыло через пару дней на дальнем берегу – прекрасно сохранившись и источая аромат роз. Я выучила их все наизусть, но ни в одной не было ни словечка о жар-птице или указаний, что Два Столба – подходящее место для начала поисков.

Все наши надежды на обнаружение жар-птицы опирались на старую иллюстрацию: Санкт-Илья в цепях, окруженный оленем, морским хлыстом и жар-птицей. Позади него виднелись горы, а еще дорога и арка. Арка давно разрушилась, но я думала, что эти руины можно найти в Двух Столбах, неподалеку от поселения, где родились мы с Малом. По крайней мере, я надеялась на это. Сегодня во мне было меньше уверенности, что Илья Морозов и Санкт-Илья – один человек. Я больше не могла читать копии «Истории Святых». Они лежали заплесневелой стопкой в дальнем углу, больше напоминая детские сказки, которые вышли из моды, чем предзнаменования некой великой судьбы.

Давид снова ухватился за часы, положил на место, опять потянулся, попутно опрокинув пузырек с чернилами и водрузив его на место дрожащими пальцами.

– Да что с тобой сегодня такое? – не выдержала я.

– Ничего, – резко ответил Давид.

Я уставилась на него.

– У тебя губа кровоточит.

Парень вытер ее рукой, но кровь снова выступила. Должно быть, он прокусил ее.

– Давид...

Он стукнул костяшками пальцев по столу, и я чуть не подпрыгнула. За мной стояли два стража. Пунктуальные и устрашающие, как всегда.

– Вот, – сказал Давид, вручая мне маленькую жестянку. Прежде чем я успела ее забрать, страж выхватил ее из рук.

– Что вы делаете? – сердито поинтересовалась я. Хотя и так знала. Ничто не передавалось между мной и другими гришами без тщательного осмотра. Для моей же безопасности, разумеется.

Святой страж меня проигнорировал. Пробежался пальцами по верху и дну жестянки, открыл ее, понюхал содержимое, изучил крышку, затем закрыл и молча вручил мне. Я вырвала жестянку из его хватки.

– Спасибо, – сухо сказала я. – И тебе, Давид.

Тот уже вернулся к своему журналу, делая вид, будто с головой ушел в чтение. Но перо сжимал так крепко, что оно едва не ломалось.

* * *

Женя ждала меня в котельной – просторной, почти иде-

ально круглой пещере, которая обеспечивала пищей всех в Белом соборе. В вогнутых стенах было устроено множество очагов – напоминание о древнем прошлом Равки – которые, как любили жаловаться повара, были далеко не такими практичными, как духовки и кафельные печи наверху. Для крупной дичи изготовили большие вертела, но в руки поваров редко попадало свежее мясо. Вместо него подавали солонину, рагу из корнеплодов и странный хлеб, изготовленный из серой муки грубого помола, который на вкус смутно напоминал вишню.

Повара почти привыкли к Жене, ну или, по крайней мере, уже не кривились и не начинали молиться при ее виде. Я обнаружила ее греющейся у очага у дальней стены котельной. Он стал нашим местом встречи, и повара каждый день оставляли там мисочку с овсянкой или супом. Когда я подошла со своим вооруженным эскортом, Женя откинула платок, и моя стража застыла. Девушка закатила единственный глаз и по-кошачьи зашипела. Те отпрянули и ретировались ко входу на кухню.

– Перебор? – поинтересовалась Женя.

– Да нет, в самый раз, – ответила я, поражаясь перемене в ней. Раз она может смеяться над реакцией этих олухов, это очень хороший знак. Мазь Давида исцеляла ее шрамы, а в остальном это была неоценимая заслуга Тамары.

На протяжении многих недель после нашего прибытия в Белый собор Женя отказывалась покидать свою комна-

ту. Она просто лежала в темноте, не желая никуда выходить. Под пристальным вниманием стражей я говорила с ней, упрашивала, пыталась рассмешить. Но ничто не срабатывало. В итоге именно Тамара выманила ее из комнаты, требуя, чтобы Женя хотя бы научилась защищать себя.

– Какая тебе вообще разница? – пробормотала Женя, натягивая на себя одеяло.

– Никакой, – ответила Тамара. – Но если ты не можешь драться, то становишься обузой.

– Мне плевать, если меня ранят.

– А мне нет, – возразила я.

– Алине нужно следить за собственной безопасностью, – отрезала шуханка. – Она не может приглядывать и за тобой.

– Я и не просила.

– Разве не было бы чудесно, если бы мы получали только то, о чем просили? – сказала Тамара. А потом принялась щипать, трясти и попросту донимать Женю, пока та не откинула одеяло и не согласилась на одно занятие по борьбе – приватное, вдали от остальных, и чтобы только святые стражи присутствовали в качестве зрителей.

– Да я ее в лепешку размажу, – тихо пробурчала она мне. Должно быть, мой скептицизм читался на лице, поскольку Женя сдула рыжий завиток с исполосованного шрамами лба и сказала: – Ладно, тогда я дождусь, пока она заснет, а затем сделаю из ее носа пяточок.

Но она сходила на одно занятие, а затем на второе, и, на-

сколько мне было известно, Тамара так и не проснулась ни с пяточком, ни с зашитыми веками.

Женя продолжала прятать лицо за платком и проводить большую часть времени у себя в комнате, но она уже не горбилась и не сторонилась людей в туннелях. Девушка сшила для себя черную шелковую повязку на глаз из подкладки старого пальто, а ее волосы значительно порыжели. Если Женя использовала свою силу, чтобы изменить цвет волос, значит, ее тщеславие частично вернулось, а значит, прогресс налицо.

– Что ж, начнем, – сказала она.

Женя села спиной к комнате, лицом к огню, и слегка направила платок на голову, раздвигая его края по бокам, чтобы создать ширму от посторонних глаз. Когда мы впервые это попробовали, уже через секунду на нас бросилась стража. Но увидев, что я просто наношу мазь на шрамы Жени, они предоставили нам немного пространства. Раны от ничегой Дарклинга они воспринимали как некий божественный приговор. За что – кто знает. Если преступление Жени в том, что она примкнула к Дарклингу, то большинство из нас были в этом виновны в то или иное время. А как бы они отреагировали на следы укуса на моем плече? Или на то, что я могла заставить тени извиваться?

Я достала жестянку из кармана и начала наносить бальзам на раны. У него был резкий травяной запах, от которого слезились глаза.

– Я никогда не осознавала, до чего сложно долго сидеть

смирно! – пожаловалась Женя.

– А ты и не сидишь смирно. Только и делаешь, что ерзаешь.

– Чешется!

– Может, почесать тебя гвоздем? Как думаешь, это поможет снять зуд?

– Просто скажи, когда закончишь, противная девчонка! – Она пристально посмотрела на мои руки и прошептала: – Сегодня тоже не получилось?

– Пока нет. Горят только два очага, да и огонь слабый. – Я вытерла руки об грязноватое кухонное полотенце. – Все готово.

– Твоя очередь, – кивнула Женя. – Выглядишь...

– Кошмарно. Я знаю.

– Это относительное понятие.

Печаль явственно читалась в ее голосе. Я чуть не стукнула себя за бестактность.

Коснулась рукой ее щеки. Кожа между шрамами была гладкой и белой, как алебастровые стены.

– Ну я и ослица.

Уголки ее губ изогнулись. Почти в улыбке.

– Иногда бываешь. Но я сама об этом заговорила. Теперь помолчи и позволь мне выполнить свою работу.

– Ровно настолько, чтобы Апрат позволил нам и дальше здесь встречаться. Не хочу дарить ему симпатичную маленькую святую, чтобы порисоваться.

Девушка театрально вздохнула.

– Это надругательство над устоями моей веры, и позже ты мне это *компенсируешь*.

– Как?

Она склонила голову набок.

– Думаю, тебе стоит позволить мне сделать тебя рыжей.

Я закатила глаза.

– Не в этой жизни, Женя.

Пока она медленно меняла мое лицо, я крутила жестянку в руках. Попыталась приладить крышку на место, но тут какая-то ее часть высвободилась из-под мази. Я подняла ее кончиками пальцев – тонкий кусочек вощенной бумаги. Женя заметила его одновременно со мной.

На обороте неразборчивыми каракулями Давида было написано только одно слово: «сегодня».

Женя выхватила бумажку у меня из рук.

– О, ради всех святых. Алина...

Тогда-то мы и услышали топот тяжелых ботинок и какую-то возню снаружи. Котел упал на землю с громким лязгом, и одна из поварих взвизгнула, когда комната наполнилась святыми стражами с ружьями наготове и глазами, которые будто горели праведным огнем.

Апрат влетел вслед за ними в вихре коричневой робы.

– Очистить помещение! – рявкнул он.

Мы с Женей вскочили на ноги, а стражи начали грубо выпихивать поварих из кухни, пока те недоуменно возражали

и испуганно вскрикивали.

– Что происходит? – требовательно спросила я.

– Алина Старкова, – сказал Апат, – ты в опасности.

Мое сердце выпрыгивало из груди, но голос оставался спокойным.

– И что же представляет для меня опасность? – поинтересовалась я, поглядывая на котелки, кипящие в очагах. – Обед?

– Заговор! – провозгласил он, указывая на Женю. – Те, кто называют себя твоими друзьями, хотят тебя уничтожить!

Еще больше бородатых приспешников Апата протопали через дверь позади него. Когда они выстроились в два ряда, я увидела испуганного Давида с круглыми глазами.

Женя ахнула, и я опустила руку ей на плечо, чтобы не дать ей кинуться вперед.

Следующими вошли Надя с Зоей, их руки были связаны, чтобы не могли призвать силу. Из уголка губ Нади стекала струйка крови, ее кожа побелела под веснушками. С ними был и Мал, его лицо сильно разбито. Он держался за бок и сутулился от боли, словно ему сломали ребро. Но хуже всего на меня подействовал вид стражей, охраняющих его по сторонам – Толя и Тамара. Девушке вернули ее топоры. Вообще-то, близнецы были вооружены не хуже, чем святые стражи. Они избегали встречаться со мной взглядами.

– Заприте двери, – приказал Апат. – Мы разберемся с этой прискорбной ситуацией без свидетелей.

Глава 2

Массивные двери котельной захлопнулись, и я услышала, как повернулся ключ в замке. Попыталась не обращать внимания на то, как мой желудок скрутило до тошноты, и вникнуть в представшую картину. Надя и Зоя – две шквальные, – Мал и Давид, безобидный фабрикатор. «Сегодня», – говорилось в записке. Что это значило?

– Я спрашиваю еще раз, священник. Что происходит? Почему мои друзья под стражей? Почему они *избиты*?

– Эти люди тебе не друзья. Мы раскрыли их замысел – они планировали обрушить Белый собор прямо на наших глазах.

– О чем вы говорите?

– Ты сама видела сегодняшнюю дерзость мальчишки...

– Так проблема в этом? Что он не трепещет в вашем присутствии?

– Проблема в измене! – Он достал из мантии небольшой холщовый мешочек и подвесил его на кончиках пальцев вытянутой руки. Я нахмурилась. Мне встречались такие мешочки в мастерской фабрикаторов. Их использовали для...

– Взрывчатое вещество, – сказал Апрат. – Изготовленное этим фабрикаторским отрепьем с помощью материалов, которые собрали твои так называемые друзья.

– Подумаешь, ну сделал Давид взрывчатое вещество. Для этого могут быть сотни причин.

– Оружие запрещено в стенах Белого собора.

Я вздернула бровь, глядя на ружья, направленные на Мала и моих гришей.

– А это что? Поварешки? Если собираетесь бросаться обвинениями...

– Нам удалось подслушать, как они обсуждают свои планы. Выйди вперед, Тамара Кир-Батар. Поведай нам правду, которую ты разузнала.

Тамара низко поклонилась.

– Гриши и следопыт хотели усыпить тебя и отнести наверх.

– Я и *хочу* вернуться наверх.

– Взрывчатое вещество нужно, чтобы убедиться, что за вами не будет погони, – продолжила она, – и чтобы обрушить пещеры на Апрата и твою паству.

– На сотни невинных людей? Мал бы ни за что так не поступил. И другие тоже. – Даже эта мерзавка Зоя. – Да и не складывается ваша теория. Как бы они меня усыпили?

Тамара кивнула на Женю и наш чай.

– Я сама его пила! – рявкнула Женя. – В него ничего не подсыпано.

– Она опытная отравительница и лгунья, – ответила Тамара ледяным тоном. – И уже предавала тебя ради Дарклинга.

Женя вцепилась пальцами в шаль. Мы обе знали, что в этих упреках есть доля правды. Я ощутила неприятное покалывание зарождающихся подозрений.

– Ты ей доверяешь, – сказала Тамара. Ее голос звучал странно. Словно она отдавала приказ, а не выносила обвинение.

– Они только и ждали, когда запасутся достаточным количеством взрывчатого порошка, – сказал Апрат. – А затем собирались нанести удар, забрать тебя наверх и сдать Дарклингу.

Я покачала головой.

– Неужели вы ждете, что я поверю, будто Мал сдал бы меня Дарклингу?

– Его обманули, – тихо отозвался Толя. – Он так отчаянно хотел тебя освободить, что стал их пешкой.

Я покосилась на Мала. По его лицу ничего невозможно было прочесть. Во мне проклюнулись первые сомнения. Я никогда бы не доверилась Зое, да и что мне по-настоящему известно о Наде? Женя... Женя вынесла так много страданий из-за Дарклинга, но их связь глубоко укоренилась. На щеке выступили холодные капельки пота, и я почувствовала, как паника захватывает меня, путает мысли.

– Интрига на интриге! – прошипел Апрат. – У тебя мягкое сердце, и оно тебя подвело.

– Нет, – отрезала я. – Все это какая-то бессмыслица.

– Они шпионы и обманщики!

Я прижала пальцы к вискам.

– Где мои остальные гриши?

– Их задержали для дальнейшего допроса.

– Я хочу знать, что им не причинят вред.

– Видите эту заботу о тех, кто ее предал? – спросил Апат святых стражей. «Он наслаждается ситуацией, – осознала я. – Он ждал этого». – Вот что знаменует ее доброту, ее щедрость. – Его взгляд встретился с моим. – Некоторые *получили* травмы, но предателям обеспечат лучший уход. Только слово скажи.

Предупреждение было ясным, и я наконец поняла. Независимо от того, настоящим ли был заговор гришей или уловка, придуманная священником, он мечтал об этом моменте, возможности изолировать меня полностью. Больше никаких визитов в котельную с Женей, никаких разговоров украдкой с Давидом. Священник использует этот шанс, чтобы разлучить меня с любимым, кто был предан мне больше, чем его делу. А я слишком слаба, чтобы его остановить.

Но говорила ли Тамара правду? Может ли быть, что мои союзники – на самом деле враги? Надя повесила голову. Зоя задрала нос, ее лазурные глаза сверкали с вызовом. Было легко поверить, что одна из них или обе могли пойти против меня, отыскать Дарклинга и преподнести меня в качестве подарка, надеясь на помилование. А Давид помог бы надеть ошейник...

Могли ли они обвести Мала вокруг пальца и втянуть его в предательский заговор? Он не выглядел испуганным или обеспокоенным... нет, он выглядел как в Керамзине, когда собирался сделать что-то, что закончится для нас неприят-

ностями. Его лицо было все в синяках, но я заметила, как он выпрямился. А затем поднял взгляд, будто к небу, как если бы молился. Но я-то хорошо его знала. Мал никогда не был религиозным. Он смотрел на дымоход.

Интрига на интриге. Нервозность Давида. Слова Тамары. «Ты ей доверяешь».

– Отпустите их, – приказала я.

Апрат покачал головой, его лицо было полно печали.

– Наша святая ослаблена теми, кто клялся ей в любви. Посмотрите, какая она хрупкая, болезненная. Всеми виной их пагубное влияние. – Некоторые из святых стражей закивали, и я заметила странный фанатичный блеск в их глазах. – Не стоит забывать, что она не только святая, но и юная девушка, управляемая эмоциями. Она не понимает, какие силы орудуют здесь.

– Я понимаю, что вы сбились с пути, священник.

Апрат одарил меня жалостливой, снисходительной улыбкой.

– Ты больна, Санта-Алина. Ты не в своем уме. Не можешь отличить друга от врага.

«Как типично для этого места», – мрачно подумала я. Сделала глубокий вдох. Пришло время делать выбор. Мне нужно кому-то довериться, но точно не Апрату – человеку, который предал собственного короля, затем Дарклинга, и который с радостью организовал бы мое мученичество, если бы это послужило его целям.

– Вы отпустите их, – повторила я. – Второй раз предупредить не стану.

Его губы растянулись в ухмылке. За жалостью крылось высокомерие. Он прекрасно понимал, какая я слабая. Оставалось надеяться, что остальные знают, что делают.

– Тебя сопровождают в твои покои, чтобы ты провела день в уединении, – ответил Апрат. – Ты обдумаешь все произошедшее, и к тебе вернется здравый смысл. Сегодня мы вместе помолимся о наставлениях.

Почему мне кажется, что под «наставлениями» подразумевалось местонахождение жар-птицы и любые возможные сведения, которые у меня имелись, о Николае Ланцове?

– А если откажусь? – спросила я, оглядывая святую стражу. – Осмелятся ли ваши солдаты поднять оружие против своей святой?

– Тебя никто не тронет. Мы тебя защитим, Санкта-Алина, – сказал Апрат. – Но я не могу оказать ту же любезность тем, кого ты называешь друзьями.

Очередные угрозы. Я всмотрелась в лица стражей, в их горящие глаза. Они убьют Мала, убьют Женю, запрут меня в комнате, и при этом назовут свои поступки праведными.

Я сделала шагок назад. Знала, что Апрат истолкует это как признак слабости.

– Вы знаете, почему я прихожу сюда, священник?

Тот отмахнулся, не скрывая своего нетерпения.

– Это место напоминает тебе о доме.

Я на секунду встретилась взглядом с Малом.

– Вам давно стоило бы понять... у сироты нет дома.

Пошевелила пальцами в рукавах. По стенам котельной поползли тени. Маленькая уловка, чтобы отвлечь их, но этого хватило. Святые стражи вздрогнули, бешено размахивая винтовками, а их пленники-гриши удивленно отпрянули. Мал не мешкал.

– Сейчас! – заорал он. Затем рванул вперед, выхватывая взрывчатый порошок из рук Апрата.

Толя взмахнул кулаками. Двое стражей повалились на пол, хватаясь за грудь. Надя и Зоя подняли руки, а Тамара повернулась, рассекая топорами их веревки. Обе шквальные приготовились к атаке, и по комнате пронесся ветер, поднимая сор с земли.

– Схватить их! – крикнул Апарат. Стражи опомнились и начали действовать.

Мал подкинул мешочек с порошком в воздух. Надя и Зоя подняли его выше, к дымоходу.

Мал накинулся на одного из стражей. Должно быть, он притворился, что у него сломано ребро, так как теперь в его движениях не было ничего осторожного. Удар кулаком, замах локтем – и страж повергнут. Мал схватил его пистолет и прицелился вверх, в дымоход, во тьму.

Это их план? Никто не может попасть с такого расстояния.

Еще один страж наскочил на Мала. Тот увернулся и вы-

стрелил.

На секунду воцарилась тишина, а затем, среди напряженного молчания, высоко над нами я услышала приглушенный взрыв.

В нашу сторону понесся рев. Из дымохода вылетело облако сажи и щебня.

– Надя! – воскликнула Зоя, сцепившись со стражем.

Надя взмахнула руками, и облако замерло, скрутилось и приняло форму вихрящейся колонны. Затем отлетело и рухнуло на пол безвредной кучкой гальки и грязи.

Я воспринимала все как в тумане – борьба, гневные крики Апрата, пожар от возгорания жира, начавшийся у дальней стены.

Мы с Женей приходили на кухню лишь по одной причине: очаги. Не ради тепла или любого намека на уют, а потому что каждый из этих древних очагов выходил к главному дымоходу. А тот, в свою очередь, был единственным местом в Белом соборе с прямым доступом на поверхность. Прямым доступом к солнцу.

– Стреляйте в них! – крикнул Апрат святым стражам. – Они пытаются убить нашу святую! Они убьют нас всех!

Я приходила сюда каждый день, надеясь, что повара разогнут как можно больше очагов, и дымоход откроют полностью. Пыталась призывать свет, прячась от святой стражи за платком Жени и пользуясь их суеверным страхом. Но я терпела неудачу раз за разом. Теперь же Мал подорвал дымо-

ход и открыл его. Мне оставалось только призвать свет и молиться, что он ответит.

Я чувствовала его, в милях надо мной – еле различимый, словно тихий шепот. Меня охватила паника. Расстояние слишком велико. С моей стороны было глупо надеяться.

И вдруг показалось, будто что-то внутри меня поднялось и потянулось, как животное, залежавшееся в спячке. Его мышцы ослабли от бездействия, но оно по-прежнему там, ждет. Я позвала, и свет откликнулся, усиленный мощью рогов на моей шее и чешуек на запястье. Он стремился ко мне, нетерпеливо и радостно.

Я улыбнулась Апрату, позволив ликование наполнить меня.

– Как человеку, столь одержимому священным огнем, вам стоит обращать больше внимания на дым.

Свет пронзил меня и затопил всю комнату ослепительным каскадом, который озарил почти комичное выражение потрясения на лице Апрата. Святые стражи вскинули руки, зажмурив глаза от яркого сияния.

Со светом пришло и облегчение, ощущение правильности и целостности, которого я не испытывала месяцами. Какая-то часть меня искренне боялась, что я никогда не восстановлюсь полностью. Что, используя скверну в своей борьбе с Дарклингом, осмелившись создать теневых солдат и посягнуть на творение в сердце мира, каким-то образом я утратила этот дар. Но теперь мое тело оживало, клетки восстанавли-

ливались. Сила текла в моей крови и вибрировала в костях.

Апрат быстро пришел в себя.

– Спасите ее! – взвыл он. – Спасите от предателей!

Некоторые стражи выглядели сбитыми с толку, другие испуганными, но двое шагнули вперед, чтобы выполнить его приказ, наставив сабли на Надю и Зою.

Я заточила свою силу в сверкающую косу, почувствовала мощь разреза в руках.

Тут передо мной прыгнул Мал. Я едва успела остановиться. Дрожь от сдерживаемой силы пронеслась по моему телу, и сердце пропустило удар.

Мал выхватил меч и, сверкнув лезвием, проткнул одного стража, а затем и другого. Они повалились, как подкошенные.

Еще двое кинулись в атаку, но Толя с Тамарой тут же их остановили. Давид подбежал к Жене. Надя и Зоя подкинули очередного бойца в воздух. Я видела других стражей по периметру, поднимающих ружья, чтобы открыть огонь.

Ярость пульсировала во мне, но я попыталась ее обуздать. «Довольно, – сказала я себе. – Хватит смертей на сегодня». Метнула разрез огненной дугой. Тот прошел сквозь длинный стол и проделал в земле перед святыми стражами темную зияющую траншею на кухонном полу. Как глубока она была – неизвестно.

На лице Апрата был написан ужас – ужас и что-то, что вполне можно было трактовать как восторг. Стражи пали на

колени, и через секунду священник последовал их примеру. Одни заплакали, другие начали читать молитвы. За кухонными дверями раздался стук кулаков и крики: «Санкта! Санкта!»

Меня порадовало, что они зывали ко мне, а не к Апрату. Я опустила руки, и свет погас. Мне не хотелось его отпустить. Посмотрела на тела поверженных стражей. У одного в бороду набились опилки. Я чуть не стала человеком, положившим конец его жизни.

Я призвала слабый свет и заставила его гореть теплым ореолом вокруг себя. Нужно быть осторожной. Сила меня подпитывала, но я слишком долго жила без нее. Мое ослабшее тело с трудом удерживало ее, и я не знала, где мои границы. И все же я месяцами находилась под контролем Апрата, другой такой возможности уже не представится.

Вокруг мертвых мужчин собирались лужи крови, за дверями котельной ожидала толпа. В голове зазвучал голос Николая: «Люди любят зрелище». Спектакль еще не окончен.

Я вышла вперед, осторожно обходя собственноручно проделанную траншею, и встала перед одним из стражей, преклонивших колено.

Он был моложе остальных – борода только начала отрастать; он потупил взгляд в пол и бормотал молитвы. Я услышала не только свое имя, но и имена настоящих святых, пронесенные так быстро, словно это было одно слово. Когда я прикоснулась к его плечу, юноша закрыл глаза, и по его

щекам потекли слезы.

– Пожалуйста, простите меня, – сказал он. – Простите меня.

– Взгляни на меня, – нежно произнесла я.

Он заставил себя поднять голову. Я ласково, как мать, взяла его лицо в свои руки, хотя он едва ли был старше меня.

– Как тебя зовут?

– Владим... Владим Озваль.

– Иногда полезно сомневаться в святых, Владим. И в людях тоже.

Он, содрогнувшись, кивнул, и из его глаз покатались новые слезы.

– Мои воины носят мой символ, – сказала я, подразумевая татуировки солнечных солдат. – До сегодняшнего дня вы отделяли себя от них, уходя с головой в книги и молитвы, вместо того чтобы слушать свой народ. Будешь ли ты носить мой символ теперь?

– Да, – пылко прошептал юноша.

– Клянешься ли в верности мне и только мне?

– С радостью! – воскликнул он. – Солнечная королева!

У меня скрутило живот. Часть меня ненавидела то, что я собиралась сделать. Нельзя ли просто заставить его что-то подписать? Дать кровную клятву? Твердое обещание? Но мне нужно быть сильнее этого. Этот юноша и его товарищи ополчились против меня. Нельзя позволить, чтобы это случилось вновь. Это язык святых и страданий, язык, который

они понимают.

– Расстегни рубаху, – приказала я. Уже не любящая мать и совсем другая святая – воин, орудующий священным огнем.

Солдат не мешкая завозился с пуговицами. Распахнул рубашку, обнажая грудь. Я устала и все еще чувствовала себя слабой. Нужно сосредоточиться. Мне хотелось сделать отметину, а не убить его.

Я почувствовала свет в своей руке. Прижала ладонь к гладкой коже над его сердцем, и выпустила импульс. Владим вздрогнул от прикосновения, обжигающего его плоть, но не закричал. Его глаза расширились и смотрели не моргая, лицо выражало восхищение. Когда я отняла руку, на его груди воспаленно пульсировал отпечаток моей ладони.

«Неплохо, – мрачно подумала я, – для первого опыта по нанесению увечий человеку».

Я отпустила силу, радуясь окончанию представления.

– Готово.

Владим посмотрел на свою грудь, и его лицо расплылось в блаженной улыбке. «У него есть ямочки, – осознала я, вздрагивая. – Ямочки и отвратительный шрам, который останется с ним на всю жизнь».

– Спасибо, Солнечная королева.

– Встань, – приказала я.

Он поднялся, не прекращая счастливо улыбаться, по его щекам все еще текли слезы.

Апрат зашевелился, будто решил встать.

– Не двигайтесь! – рыкнула я, снова приходя в ярость. Это он виноват, что мне пришлось заклеить юношу. Это он виноват, что двое мужчин мертвы и их кровь собирается в лужу, в которой плавают шелуха от лука и морковная стружка.

Я посмотрела на него сверху вниз. Ощутила соблазн лишиться его жизни, избавиться от него навсегда. Это было бы очень глупо. Я впечатлила нескольких солдат, но если убить Апрата, кто знает, какой тогда воцарится хаос. «Но ты этого хочешь», – отозвался голос в моей голове. Отплатить за месяцы под землей, за страх и угрозы, за каждый день, потерянный впустую, в то время как я могла бы охотиться на жар-птицу и мстить Дарклингу.

Должно быть, он прочел это намерение в моих глазах.

– Санкта-Алина, я просто хотел защитить тебя, чтобы ты снова стала здоровой, – залезил он.

– Тогда считайте, что ваши молитвы услышаны. – Такого лжеца еще поискать. Последнее слово, которым я решила бы себя описать, это «здоровая». – Священник, вы обеспечите убежищем всех, кто его ищет, а не только тех, кто поклоняется солнечной святой.

Он помотал головой.

– Безопасность Белого собора...

– Если не здесь, то где-то еще. Разберитесь с этим.

Он тяжело вздохнул.

– Разумеется.

– И мы больше не будем забирать детей в солдаты.

– Если верующие хотят сражаться...

– Вы на коленях, – заметила я. – Это не переговоры.

Он поджал губы, но через секунду покорно склонил голову.

Я осмотрелась.

– Вы все свидетели моих распоряжений. – Затем повернулась к одному из стражей. – Дай мне свое ружье.

Он отдал его без колебаний. Я с удовольствием отметила, как глаза Апрата округлились от ужаса, но я просто передала оружие Жене, а затем потребовала саблю для Давида, хотя знала, что тому от нее мало пользы. Зоя и Надя были готовы призвать силу, а Мал и близнецы уже хорошо вооружены.

– Встаньте, – сказала я Апрату. – Давайте объединимся во имя достижения мира. Сегодня мы стали свидетелями чуда.

Он поднялся, и я обняла его, шепча на ухо:

– Вы благословите нашу миссию и будете следовать моим приказам. Или я разрежу вас пополам и брошу по частям в Каньон. Все понятно?

Священник сглотнул и кивнул.

Мне было необходимо время, чтобы все обдумать, но его не хватало. Пришла пора открыть двери и объяснить людям смерть стражей и взрыв.

– Позаботьтесь о своих павших, – сказала я одному из святых стражей. – Мы понесем их с собой. У них... есть семьи?

– Мы – их семья, – ответил Владим.

Я обратилась к остальным:

– Соберите верующих со всего Белого собора и приведите в главную пещеру. Я буду говорить с ними через час. Владим, как только мы выйдем из котельной, освободи других гришей и приведи в мои покои.

Он коснулся клейма на груди, будто отсалютовал.

– Санкта-Алина.

Я глянула на помятое лицо Мала.

– Женя, приведи его в порядок. Надя...

– Я все сделаю, – вставила Тамара, уже вытирая кровь с губы Нади полотенцем, которое окунула в котелок, полный кипяченой воды. – Прости за это, – сказала она девушке.

Надя улыбнулась.

– Все должно было выглядеть правдоподобно. К тому же я еще верну должок.

– Посмотрим, – ответила Тамара.

Я оглядела других гришей в их потрепанных кафтанах.

Впечатлить своим парадом мы не сможем.

– Толя, Тамара, Мал, вы пойдете со мной и Апратом. –

Я понизила голос. – Постарайтесь держаться уверенно и... властно.

– У меня вопрос... – начала Зоя.

– У меня их сотни, но они подождут. Я не хочу, чтобы толпа начала бесноваться.

Я посмотрела на Апрата. Почувствовала мрачное желание унижить его, заставить ползать передо мной за долгие неде-

ли гнета под землей. Низкая, глупая мысль. Может, это и доставит мне жалкое удовольствие, но какой ценой? Я глубоко вдохнула и сказала:

– Я хочу, чтобы вы смешались со святой стражей. Это будет свидетельствовать об альянсе.

Мы собрались перед дверями. Апрат и я во главе процессии, гриши и святая стража выстроились сзади, тела павших понесли их братья.

– Владим, – обратилась я, – открой двери.

Когда тот начал отпирать замок, Мал занял его место рядом со мной.

– Откуда ты знал, что я смогу призвать свет? – спросила я себе под нос.

Он посмотрел на меня, и его губ коснулась легкая улыбка.

– Я верил.

Глава 3

Двери распахнулись. Я вскинула руки и позволила яркому свету озарить проход. Люди, заполонившие туннель, вскрикнули. Те, кто еще не успел преклониться, пали на колени, и хор молитв захлестнул меня.

– Говорите, – пробормотала я Апрату, окуная молящихся в сияющий солнечный свет. – И хорошенько постарайтесь.

– Сегодня мы столкнулись с великим испытанием, – спешно заявил он. – И наша святая вышла из него сильнее, чем прежде. В это священное место явилась тьма.

– Я все видел! – крикнул один из святых стражей. – По стенам поползли тени...

– Кстати об этом... – пробурчал Мал.

– Позже.

– Но мы их победили, – продолжил Апрат, – и всегда будем побеждать. С помощью веры!

Я шагнула вперед.

– И могущества.

И вновь я позволила свету промчаться по проходу ослепляющим каскадом. Большинство людей никогда не видели, на что я способна. Кто-то рыдал, кто-то выкрикивал мое имя, утопающее среди восклицаний: «Санкта! Санкта!»

Пока я вела Апрата и святую стражу по Белому собору, мой разум лихорадочно работал, перебирая варианты. Вла-

дим шел впереди нас, чтобы проконтролировать, что мои указы четко выполняются.

Наконец нам представилась возможность выбраться из этого места. Но что будет, если мы действительно покинем Белый собор? Я брошу свою армию и оставлю их на попечение Апрата. И все же выбора у нас не оставалось. Мне необходимо попасть на поверхность. Мне нужна жар-птица.

Мал отправил Тамару собирать остальных солнечных солдат и искать дополнительное огнестрельное оружие. Мой контроль над святой стражей в лучшем случае можно назвать шатким. Если случится беда, было бы хорошо иметь при себе ружья. Оставалось только надеяться, что на преданность солнечных солдат можно положиться.

Я лично проводила Апрата в его покои, Мал и Толя следовали за нами.

У двери сказала:

– Через час мы вместе проведем службу. Сегодня мы с гришами уйдем, и вы позволите нам взойти наверх.

– Солнечная королева, – прошептал Апрат, – я настоятельно прошу не возвращаться так скоро на поверхность. Положение у Дарклинга очень шаткое. У мальчишки Ланцова по-прежнему есть несколько союзников...

– Я – его союзник.

– Он бросил тебя в Малом дворце.

– Он *пытался выжить*, священник. Вам ли его не понять.

Николай планировал увезти свою семью и Багру в без-

опасное место, а потом вернуться к борьбе. Я надеялась, что он преуспел, и слухи о хаосе на северной границе – правда.

– Пусть они ослабят друг друга, а потом посмотрим, куда подует ветер...

– Я обязана Николаю Ланцову гораздо большим.

– Так тобой движет преданность? Или алчность? – не отступал Апат. – Усилители ждали бесчисленное количество лет, чтобы воссоединиться, а ты не можешь подождать еще пару месяцев?

При мысли об этом я стиснула зубы. Я не знала, что мною движет: жажда отмщения или что-то более возвышенное, потребность в жар-птице или дружба с Николаем. Но, по сути, это не имело значения.

– Это и моя война, – сказала я. – Я не стану прятаться, как ящерица под камнем.

– Умоляю, прислушайся к моим словам. Я всегда служил тебе только верой и правдой.

– Так же как королю? И Дарклингу?

– Я – голос народа. Он не выбирал королями ни Ланцовых, ни Дарклинга. Но он выбрал тебя своей святой и полюбил в качестве королевы.

Эти слова не вызывали во мне ничего, кроме усталости.

Я оглянулась через плечо на Мала с Толей, ожидающих в почтительном отдалении.

– Вы в это верите? – спросила я священника. Вопрос преследовал меня с тех пор, как я впервые услышала, что он ос-

новал культ. – Вы действительно считаете меня святой?

– Не важно, во что я верю, – ответил он. – Этого-то ты никогда и не понимала. Ты знаешь, что во *Фьерде* начали строить для тебя алтари? Во *Фьерде*, где гришей сжигают на кострах! Между страхом и почитанием существует очень тонкая грань, Алина Старкова. Я могу ее передвинуть. Этот дар я тебе и предлагаю.

– Он мне не нужен.

– Но ты его получишь. Люди сражаются за Равку, потому что король им приказывает, потому что их жалованье не дает умереть с голоду их семьям, потому что у них нет выбора. За тебя же будут сражаться потому, что для них ты – спасение. Ради тебя будут голодать, отдадут свою жизнь и жизни своих детей. Они бесстрашно пойдут на войну и умрут с радостью. Нет более великой силы, чем вера, и не будет более великой армии, чем та, которой она движет.

– Вера не защитила ваших солдат от ничегой. Фанатизм тут не поможет.

– Ты видишь только войну, а я вижу будущий мир. Вера не знает границ или национальностей. Любовь к тебе пустила корни во *Фьерде*. За ней последуют Шухан и Керчия. Наши люди пойдут дальше и будут проповедовать слово твое, не только в Равке, но и во всем мире. Это – наш путь к умиротворению, *Санкта-Алина*. Через тебя.

– Цена слишком высока.

– Война – плата за перемены.

– И платят ее обычные люди, такие же простолюдины, как я. Но не такие, как вы.

– Мы...

Я подняла руку, чтобы он замолчал. Подумала о том, как Дарклинг уничтожил целый город, о том, как брат Николая, Василий, приказал снизить призывной возраст. Апрат утверждал, что говорит от имени народа, но он ничем не отличался от остальных.

– Берегите их, священник, – эту паству, эту армию. Кормите их. Не уродуйте лица детям и не давайте им оружия. Об остальном позабочусь я.

– Санкта-Алина...

Я открыла дверь в его комнату.

– Скоро мы вместе помолимся. Но мне кажется, что вам не помешает начать пораньше.

* * *

Мы с Малом заперли Апрата в комнате и приставили Толю охранять его – с четкими указаниями проследить, чтобы дверь не открывали и никто не прерывал молитвы священника.

Я подозревала, что скоро Апрат вернет святую стражу и, возможно, даже Владима под свой контроль. Но мы нуждались всего лишь в небольшой форе. Ему повезло, что я не посадила его во влажный угол в архиве.

Когда мы наконец дошли до моей комнаты, я обнаружила, что тесное белое помещение заполнено гришами, а Владим ждет у двери. Моя спальня была чуть ли не самой большой в Белом соборе, но двенадцать человек все равно помещались в ней с трудом. Все выглядели не так уж и плохо. Губа Нади опухла, а Максим обрабатывал порез над глазом Стигга. Мы впервые смогли собраться под землей, и было что-то утешающее в созерцании гришей, столпившихся вместе и разместившихся на скудной мебели.

Но Мал, похоже, был не согласен.

– С тем же успехом мы можем путешествовать с бродячими артистами, – проворчал он себе под нос.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Сергей, как только я отпустила Владима. – Я спокойно сидел в лазарете с Максимом, как вдруг меня затолкали в клетку! – Он шагал взад-вперед. Его кожа блестела от пота, под глазами пролегли темные круги.

– Успокойся, – сказала Тамара. – Ты уже не за решеткой.

– Велика разница. Мы все равно заперты. А этот ублюдок просто ищет возможность избавиться от нас.

– Если хочешь выйти из пещер, то у тебя появился такой шанс, – сказала я. – Мы уходим. Сегодня.

– Как? – спросил Стигг.

Вместо того чтобы ответить, я позволила яркому солнечному свету на секунду вспыхнуть на моей ладони – в доказательство, что во мне снова загорелась сила, – даже несмотря

на то, что этот небольшой жест требовал больше усилий, чем могло показаться.

Комната наполнилась свистом и ликующими криками.

– Да-да, – сказала Зоя. – Заклинательница Солнца снова может заклинать. Всего-то потребовалась пара смертей и небольшой взрыв.

– Вы что-то подорвали? – жалобно протянул Хэршоу. – Без меня?

Он стоял у стены рядом со Стиггом. Двое инфернов были удивительно разными: более не похожих друг на друга людей трудно найти. Стигг был низеньким, коренастым и с почти белыми волосами. Выглядел он таким же плотным и твердым, как молитвенная свеча. Хэршоу же был высоким и долговязым, с волосами рыжее, чем у Жени, почти кроваво-красного цвета. Каким-то образом в недра Белого собора пробралась костлявая рыжая кошка и прониклась к Хэршоу симпатией. Она следовала за ним повсюду, мелькала между его ног или сидела у него на плече.

– И все-таки, *откуда* вы взяли взрывчатый порошок? – спросила я, садясь рядом с Надей и ее братом на край кровати.

– Я изготовил его, пока якобы делал мазь, – объяснил Давид. – Как и сказал Апрат.

– Прямо под носом у святой стражи?

– Не то чтобы они разбираются в Малой науке.

– Ну, раз тебя поймали, значит, кто-то да разбирается.

– Не совсем, – встрял Мал. Он встал у двери вместе с Тамарой, и каждый из них присматривал за коридором.

– Давид знал о нашей встрече в котельной, – сказала Женя, – и угадал насчет дымохода.

Юноша нахмурился.

– Я не гадаю.

– Но порошок было невозможно вынести из архива, когда стражи постоянно нас обыскивают.

Тамара ухмыльнулась.

– Поэтому мы сделали так, что Апрат лично его принес.

Я изумленно уставилась на них.

– Вы специально попались?

– Как оказалось, самый быстрый способ назначить встречу – быть арестованными, – сказала Зоя.

– Вы хоть понимаете, как вы рисковали?

– Вيني Оретцева, – Зоя шмыгнула носом. – Это его представление о гениальном плане.

– Но он же *сработал*, – возразила Женя.

Мал пожал плечом.

– Как Сергей и сказал, Апрат ждал возможности вывести нас из игры. Я решил ее предоставить.

– Единственное, чего мы не знали, это когда ты появишься в котельной, – сказала Надя. – Когда ты ушла из архива, Давид сделал вид, что забыл что-то у себя в комнате, и прошел мимо тренировочного зала, чтобы подать нам сигнал. Мы знали, что Апрат поверит Толе с Тамарой, так что они

слегка нас помяли...

– Не слегка, – вставил Мал.

– А потом заявили, будто раскрыли коварный план с участием нескольких злокозненных гришей и одного очень легкоговерного следопыта.

Мал с насмешкой отсалютовал.

– Я боялась, что он настоит на том, чтобы отправить всех в камеры, – сказала Тамара. – Поэтому мы сказали, что ты в большой опасности, и нам нужно немедленно бежать в котельную.

Надя улыбнулась.

– А потом просто надеялись, что кухня на нас не обрушится.

Давид нахмурился пуще прежнего.

– Это был контролируемый взрыв. Вероятность того, что структура пещеры выдержит, была значительно выше среднего.

– Ах, выше среднего, – протянула Женя. – Что ж ты сразу не сказал?

– Сказал, только что.

– А как же те тени на стене? – спросила Зоя. – Кто это сделал?

Я напряглась, не зная, что ответить.

– Я, – сказал Мал. – Мы подстроили их, чтобы отвлечь внимание.

Сергей зашагал по комнате, хрустя костяшками пальцев.

– Вам стоило рассказать нам об этом плане. Мы заслуживали предупреждения.

– Могли бы хоть дать мне что-нибудь подорвать, – добавил Хэршоу.

Зоя жеманно пожала плечами.

– Мне так жаль, что вы чувствуете себя отвергнутыми. И не важно, что за нами пристально следили и лишь чудом не рассекретили. Нам определенно нужно было поставить под угрозу всю операцию, чтобы пощадить ваши чувства.

Я прочистила горло.

– Меньше чем через час я проведу службу с Апратом. Мы уйдем сразу после этого, и мне нужно знать, кто со мной.

– Есть хоть какой-нибудь шанс, что ты расскажешь нам, где третий усилитель? – поинтересовалась Зоя. Пока только я, близнецы и Мал знали, где мы надеялись обнаружить жарптицу. «И Николай», – напомнила я себе. Николай тоже знает – если он еще жив.

Мал покачал головой.

– Чем меньше вы знаете, тем безопаснее.

– Значит, вы даже не скажете, куда мы направимся? – недовольно спросил Сергей.

– Не совсем. Мы попытаемся связаться с Николаем Ланцовым.

– Думаю, нам нужно искать его в Раевости, – сказала Тамара.

– В речных городах? – удивилась я. – Почему?

– У Штурмхонда были контрабандные пути по всей Равке. Возможно, Николай использует их, чтобы ввозить оружие в страну. – Кому знать, как не Тамаре. Они с Толей были доверенными членами команды Штурмхонда. – Если слухи – правда, и он обосновался где-то на севере, тогда есть большая вероятность, что точка высадки неподалеку от Раевости активна.

– Много домыслов и мало фактов, – заметил Хэршоу.

Мал кивнул.

– Верно. Но это наша лучшая зацепка.

– А если это тупик? – спросил Сергей.

– Мы разделимся, – ответил Мал. – Найдем вам убежище, чтобы залечь на дно, а потом я поведу группу на поиски жарптицы.

– Вы вольны остаться здесь, – сказала я остальным. – Я знаю, что паломники не особо дружелюбны к гришам, но после сегодняшнего дня, уверена, их отношение изменится. Но если нас поймают наверху...

– Дарклинг не очень добр к предателям, – тихо закончила Женья.

Все смущенно заерзали, но я заставила себя встретиться с ней взглядом.

– Да, не очень.

– На мне он уже отыгрался, – ответила она. – Я иду с вами.

Зоя разгладила складку на рукаве кафтана.

– Без тебя мы пойдем быстрее.

– Не волнуйся, я поспею, – парировала Женя.

– Уж постарайся, – сказал Мал. – Мы вступим на территорию, кишашую ополченцами, не говоря уж об опричниках Дарклинга. Ты довольно узнаваема. Как и Толя, раз уж на то пошло.

Губы Тамары дрогнули в улыбке.

– Хочешь лично ему заявить, что он не может пойти?

Мал призадумался.

– Может, нам удастся замаскировать его под очень крупное дерево.

Адрик так быстро подскочил на ноги, что чуть не столкнул меня с кровати.

– Увидимся через час, – объявил он, словно бросая вызов любому, кто пожелает поспорить. Когда мальчик вышел из комнаты, Надя пожала плечами. Адрик ненамного моложе нас, но, быть может, из-за того, что он младший брат Нади, он всегда искал способ проявить себя.

– Ну, я тоже пойду с вами, – сказала Зоя. – Здешняя сырость не идет на пользу моим волосам.

Хэршоу встал и отошел от стены.

– Я бы предпочел остаться, – сказал он, зевая. – Но Накошка требует, чтобы мы пошли. – Он водрузил животное себе на плечо одной рукой.

– Ты когда-нибудь дашь ей нормальное имя? – поинтересовалась Зоя.

– Я и дал.

– «Накошка» – это не имя. Это просто «кошка» на каэльском.

– Но ей подходит, не так ли?

Девушка закатила глаза и протанцевала за дверь. За ней последовали Хэршоу и Стигг, который вежливо поклонился и сказал:

– Я буду готов.

Остальные тоже разошлись. Я подозревала, что Давид предпочел бы остаться в уединении в Белом соборе, окружив себя записями Морозова. Но он наш единственный фабрикант, и если нам все же удастся обнаружить жар-птицу, то потребуются его помощь, чтобы изготовить вторую окову. Надя выглядела обрадованной, что предстоит идти с братом, но на выходе ухмыльнулась Тамаре. Я догадывалась, что Максим выберет остаться в лазарете, и не ошиблась. Может, у меня получится уговорить Владима и других святых стражей подать пример пилигримам и извлечь выгоду из целительских умений Максима.

Единственным, кто меня удивил, был Сергей. Хоть в Белом соборе было убого, сыро и скучно, тут также было относительно безопасно. Как бы Сергей ни стремился вырваться из хватки Апра, я сомневалась, что он захочет рисковать с нами на поверхности. Но он просто коротко кивнул и сказал: «Я буду там». Возможно, нам всем отчаянно хотелось увидеть голубое небо и снова почувствовать себя свободными, несмотря на все опасности.

Когда все ушли, Мал вздохнул.

– Что ж, попытаться стоило.

– Все эти разговоры об ополченцах, – меня вдруг осенило. – Ты пытался запугать их.

– Двенадцать – это слишком много. Такая большая группа замедлит нас в туннелях, а на поверхности увеличит риск. Как только появится возможность, нужно будет разделиться. Я ни за что не поведу дюжину гришей в южные горы.

– Хорошо, – кивнула я. – Если, конечно, нам удастся найти им убежище.

– Нелегкая задача, но мы справимся, – он направился к двери. – Я вернусь через полчаса, чтобы отвести тебя в главную пещеру.

– Мал, – позвала я, – почему ты встрял между мной и святыми стражами?

Он пожал плечами.

– Они не первые, кого я убил. И не последние.

– Ты не дал мне использовать разрез на них.

Он не смотрел на меня, когда ответил:

– Однажды ты станешь королевой, Алина. Чем меньше крови на твоих руках, тем лучше.

Слово «королева» так легко сорвалось с его уст.

– Похоже, ты не сомневаешься, что мы найдем Николая.

– Я уверен, что мы найдем жар-птицу.

– Мне нужна армия. Жар-птицы может оказаться недостаточно, – я потеряла глаза. – Не факт, что Николай вообще в

Равке.

– Отчеты с севера...

– Могут быть ложью, распространяемой Дарклингом. «Принц Воздуха» вполне может быть мифом, придуманным для того, чтобы выманить нас из укрытия. Есть вероятность, что Николай не выбрался из Большого дворца. – Мне было больно это произносить, но я заставила себя выдать следующие слова: – Возможно, он мертв.

– Ты в это веришь?

– Не знаю.

– Если кто и мог оттуда сбежать, то это Николай.

Слишком умный лис. С тех пор, как он скинул свое обличье Штурмхонда, именно таким я его и видела – всегда что-то замышляет, всегда затевает интриги. Но Николай не предугадал предательства своего брата. Не предвидел прихода Дарклинга.

– Ладно, – сказала я, стыдясь дрожи в голосе. – Ты не спросил меня о тенях.

– А должен?

Я не могла устоять. Может, мне хотелось увидеть его реакцию. Я сжала кулаки, и из углов полились тени.

Мал проследил за их передвижением. Чего я от него ожидала? Страх? Злости?

– А что-то большее ты можешь делать с их помощью? – поинтересовался он.

– Нет. Это просто остатки того, что я сделала в часовне.

– Имеешь в виду то, как ты спасла наши жизни?

Я отпустила тени и сжала переносицу пальцами, пытаюсь бороться с приступом головокружения.

– Имею в виду скверну. Это ненастоящая сила. Просто карнавальная фокус.

– Это то, что ты взяла от него, – ответил Мал. Вряд ли мне послышалось неудовольствие в его голосе. – Я никому не расскажу, но не стоит скрывать эту силу от остальных.

Об этом можно побеспокоиться позже.

– Что, если Николай и его люди не в Раевости?

– Думаешь, я могу выследить огромную мифическую птицу, но не смогу найти горластого принца?

– Принца, которому удавалось месяцами скрываться от Дарклинга.

Мал окинул меня изучающим взглядом.

– Алина, ты знаешь, как мне удался тот выстрел? В котельной?

– Если ты сейчас скажешь, что ты просто очень хорош, я сниму ботинок и побью тебя.

– Что ж, я действительно очень хорош, – он слабо улыбнулся. – Но я попросил Давида спрятать жука в мешочек.

– Зачем?

– Чтобы было легче прицелиться. Мне всего-то понадобилось выследить его.

Мои брови подскочили вверх.

– Вот *это* и вправду впечатляющий фокус.

Мал пожал плечами.

– Единственный в моем арсенале. Если Николай жив, мы его найдем. – Он замолчал, а потом добавил: – Я больше не подведу тебя. – Мал повернулся к двери, но прежде чем ее закрыть, сказал: – Попытайся отдохнуть. Если понадобится, я буду снаружи.

Я стояла, не двигаясь, какое-то время. Хотелось сказать, что он не подвел меня, но это не совсем правда. Я врала ему о видениях, которые меня преследовали. Он оттолкнул меня, когда я нуждалась в нем больше всего. Может, мы оба требовали друг от друга слишком многого. Справедливо или нет, но я чувствовала, будто Мал повернулся ко мне спиной, и часть меня злилась на него за это.

Я осмотрела опустевшую комнату. Я смутилась, когда обнаружила в ней так много людей разом. Что я знала о каждом из них? Хэршоу и Стигг на пару лет старше остальных – гриши, которые прибыли в Малый дворец после того, как услышали о возвращении заклинательницы Солнца. Мне они почти незнакомы. Близнецы верили, что я одарена божественной силой. Зоя следовала за мной без особого желания. Сергей был сам не свой, и я знала, что он наверняка винит меня в смерти Марии. Надя, вероятно, тоже. Она скорбит тихо, но они были лучшими подругами.

И Мал. Полагаю, можно сказать, что мы пришли к согласию, но далось оно нелегко. Или же мы просто смирились с моим будущим, в котором наши дороги неминуемо разой-

дутся. «Однажды ты станешь королевой, Алина».

Я понимала, что нужно хотя бы попытаться подремать пару минут, но моя голова отказывалась отключаться. Тело пульсировало от силы и требовало продолжения.

Я глянула на дверь, жалея, что она не запирается. Хотелось кое-что испробовать. Я уже предпринимала такие попытки несколько раз, но все заканчивалось только головной болью. Это опасно, даже глупо, но теперь, когда моя сила вернулась, я хотела попробовать еще раз.

Я сняла обувь и улеглась на узкой кровати. Закрыла глаза, почувствовала ошейник на горле, чешую на запястье, присутствие могущества внутри себя, четкое, как биение сердца. Ощутила рану на плече, темные бугры шрамов, оставленных ничегоями Дарклинга. Они усилили связь между нами, подарили ему доступ к моему разуму, как ошейник – к моей силе. В часовне я воспользовалась этой связью против него и чуть не уничтожила нас обоих в процессе. Испытывать ее сейчас было бы глупо. И все же я чувствовала искушение. Если Дарклинг владел такой силой, почему я не могу? Это даст возможность выведать кое-что, понять, как работает связь между нами.

«Ничего не выйдет, – заверила я себя. – Попробуй, потерпи неудачу и вздремни наконец».

Я успокоила дыхание, позволила силе курсировать по мне. Подумала о Дарклинге, о тенях, которыми теперь повелевала мановением пальца, об ошейнике, который он на меня на-

дел, об окове, которая окончательно отдалила меня от любого другого гриша и направила на этот путь.

Ничего не произошло. Я лежала на спине на кровати в Белом соборе. И никуда не переместилась. Кроме меня, в комнате больше никого не было. Я уставилась во влажный потолок. Тем лучше. В Малом дворце изоляция чуть меня не уничтожила, но все потому, что я жаждала чего-то другого, чувства принадлежности, за которым гналась всю жизнь. Это желание похоронено в руинах часовни. Теперь я мыслю категориями союзничества, а не симпатии – кто и что сделает меня достаточно сильной для этой битвы.

Сегодня я подумывала об убийстве Апрата; выжгла свое клеймо на плоти Владима. Я убеждала себя, что это было необходимостью, но девушка, которой я была, никогда бы не задумалась о подобном. Я ненавидела Дарклинга за то, что он сделал с Багрой и Женей, но так ли уж мы различаемся? Останется ли разница между нами, когда на моем запястье окажется третий усилитель?

«Может, и нет», – признала я, и с этим осознанием пришел легчайший трепет – вибрация связи между нами, ответное эхо с другого конца невидимых уз.

Она взывала ко мне через ошейник на горле и укус на плече, усиленная оковой на руке – связь, налаженная скверной и темной отравой в моей крови. «Ты взывала ко мне, и я ответил». Я почувствовала, как меня тянет вверх, прочь из тела, быстрее к нему. Возможно, то же чувствовал Мал, когда вы-

слеживал свою цель – отдаленное притяжение к кому-то другому, присутствие, которое требовало внимания, даже если его не увидишь и не коснешься.

Секунду назад я парила во мраке с закрытыми глазами, а теперь стояла в ярко освещенной комнате. Все вокруг меня было нечетким, но я все равно мгновенно узнала место: тронный зал в Большом дворце. Люди разговаривали. Казалось, будто они находятся под водой. Я слышала шум, но не слова.

Я сразу поняла, когда Дарклинг увидел меня. Он приобрел резкость, хотя комната вокруг него оставалась мутным, размытым пятном.

Его самообладание было настолько велико, что никто рядом и не заметил бы мимолетного изумления на его идеальном лице. Но я увидела, как округлились серые глаза, как напряглась грудь от замершего вдоха. Его пальцы впились в подлокотники кресла... нет, трона. Затем он расслабился, кивая человеку перед собой, который что-то говорил.

Я ждала и наблюдала. Дарклинг сражался за этот трон, вынес сотни лет битвы и подневольной жизни, чтобы завладеть им. Нужно признать, они хорошо смотрелись вместе. Какая-то жалкая часть меня надеялась, что я обнаружу его ослабшим, что его волосы цвета воронова крыла поседеют, как мои. Но какой бы урон я ни нанесла ему в ту ночь в часовне, он оправился быстрее меня.

Когда бормотание просителя затихло, Дарклинг встал.

Трон поблек на заднем фоне, и я поняла, что четче всего видно то, что рядом с Дарклингом, словно он призма, через которую я смотрела на мир.

– Я приму это к сведению, – ответил он таким знакомым, холодным, как граненое стекло, голосом. – А теперь оставьте меня. – Бесцеремонно взмахнул рукой. – Вы все.

Обменялись ли недоуменными взглядами его подхалимы или просто удалились с поклоном? Я не знала. Дарклинг уже спускался по ступенькам, нацелив взгляд на меня. Мое сердце сжалось, а в голове раздалось одно ясное слово: «беги». С моей стороны было безумием пойти на такое, пытаться найти его. Но я стояла на месте и нашу связь не нарушала.

Кто-то подошел к нему, и, оказавшись всего в нескольких сантиметрах от Дарклинга, стал более четким – красный кафтан гришей, незнакомое лицо. Я даже могла слышать его слова:

– ... вопрос подписей для...

Но Дарклинг его прервал.

– Позже, – резко сказал он, и корпориапл быстро ретировался.

Зал обезлюдел и наступила тишина, и все это время Дарклинг не сводил с меня глаз. Он зашагал по паркетному полу. С каждым его шагом полированные половицы становились четкими, а затем снова размывались.

У меня появилось странное ощущение – вот я лежу в кровати в Белом соборе, а вот стою в тронном зале, в теплом

квадрате солнечного света.

Он остановился передо мной, изучил мое лицо. Что он там увидел? В видениях Дарклинг являлся мне без шрамов. Видел ли он меня здоровой и невредимой, с каштановыми волосами и блестящими глазами? Или же видел маленькую серую мышку, бледную и потрепанную после битвы в часовой, ослабевшую от жизни под землей?

– Кто бы мог подумать, что ты окажешься такой способной ученицей. – В его голосе слышалось искреннее восхищение, он казался чуть ли не удивленным. К своему ужасу, я осознала, что жалкая сиротская часть меня радуется его похвале. – Почему ты вдруг пришла ко мне сейчас? – поинтересовался он. – Тебе потребовалось так много времени, чтобы прийти в себя после нашей небольшой стычки?

Если это была небольшая стычка, то нам действительно конец. «Нет», – сказала я себе. Он намеренно выбрал это слово, чтобы запугать меня.

Я проигнорировала вопрос и ответила:

– Я не ожидала комплиментов.

– Нет?

– Я похоронила тебя под грудой щебня.

– А если скажу, что уважаю твою безжалостность?

– Вряд ли я тебе поверю.

Его губ коснулась легчайшая улыбка.

– Способная ученица, – повторил он. – Зачем тратить на тебя мою злость, если вся вина лежит на мне? Нужно

было предвидеть очередное твое предательство, очередную безумную попытку ухватиться за свой детский идеал. Но, похоже, когда дело касается тебя, я становлюсь жертвой собственных желаний. – Его лицо ожесточилось. – Зачем ты пришла, Алина?

Я честно ответила:

– Хотела тебя увидеть.

На его лице мельком отразилось удивление, но затем оно вновь лишилось эмоций.

– На этом помосте два трона. Ты могла бы видеть меня в любой момент, когда пожелаешь.

– Предлагаешь мне корону? После того, как я пыталась тебя убить?

Он пожал плечами.

– Скорее всего я бы поступил так же.

– Сомневаюсь.

– Не для того, чтобы спасти эту разношерстную команду из изменников и фанатиков, нет. Но я понимаю твое желание быть свободной.

– И все равно пытался сделать меня рабыней.

– Я нашел усилители Морозова *для тебя*, Алина, чтобы мы правили как равные.

– Ты пытался забрать мою силу себе.

– После того, как ты сбежала. После того, как ты выбрала... – он замолчал и снова пожал плечами. – Со временем мы бы стали править на равных.

Я почувствовала это притяжение, тоску напуганной девочки. Даже теперь, после всего, что он сделал, мне хотелось верить Дарклингу, найти способ простить его. Мне хотелось, чтобы Николай был жив. Хотелось доверять другим гришам. Хотелось верить хоть во что-то, чтобы не идти навстречу будущему в одиночку. «Проблема вождения в том, что оно делает нас слабыми». Прежде чем я успела обдумать свой поступок, у меня вырвался смешок.

– Мы были бы на равных до того дня, как я осмелилась бы не согласиться с тобой, до того момента, как я поставила бы под сомнение твои суждения или начала перечить приказам. Тогда ты разделался бы со мной так же, как с Женей и своей матерью, как пытался разделаться с Малом.

Дарклинг прислонился к окну, и позолоченная рама приобрела четкость.

– Думаешь, со следопытом будет как-то иначе? Или со щенком Ланцовым?

– Да, – просто ответила я.

– Потому что ты будешь сильной в этой паре?

– Потому что они лучше тебя.

– Ты могла бы сделать меня лучше.

– А ты мог бы сделать меня монстром.

– Никогда не понимал твою привязанность к отказникам.

Это потому, что ты долгое время считала себя одной из них?

– Однажды я и к тебе питала привязанность. – Он резко поднял голову. Эти слова стали для него неожиданностью.

Святые, до чего же приятно! – Почему ты не навещал меня? – любопытствовала я. – Все эти долгие месяцы?

Дарклинг молчал.

– В Малом дворце не проходило и дня, чтобы ты не приходил ко мне, – продолжила я. – Чтобы я не видела тебя в каком-то темном углу. Я думала, что схожу с ума.

– Вот и хорошо.

– По-моему, ты боишься.

– Должно быть, эта мысль очень тебя утешает.

– Я думаю, что ты боишься нашей связи. – Меня она не пугала. Больше нет. Я медленно шагнула вперед. Дарклинг напрягся, но не отпрянул.

– Я древний, Алина. Я знаю о силе то, о чем ты даже не догадываешься.

– Но дело не в силе, не так ли? – тихо произнесла я, вспоминая, как он играл со мной, когда я только прибыла во дворец – даже раньше, с первых секунд нашего знакомства. Я была одинокой девочкой, отчаянно жаждущей внимания. Должно быть, стала для него небольшим развлечением.

Сделала еще один шаг. Дарклинг замер. Теперь наши тела почти соприкасались. Я коснулась ладонью его щеки. На сей раз вспышку замешательства на его лице было невозможно не заметить. Он словно оцепенел, и только его грудь равномерно поднималась и опускалась. Затем, будто смирившись, он закрыл глаза. Между бровями пролегла морщинка.

– Это правда, – ласково сказала я. – Ты сильнее, мудрее,

твой опыт бесконечен. – Затем подалась вперед и прошептала так, чтобы мои губы касались его ушной раковины: – Но я способная ученица.

Серые глаза Дарклинга распахнулись. Я успела увидеть в них кратчайшую вспышку ярости, прежде чем нарушила связь.

Меня бросило в сторону, обратно в Белый собор, а Дарклинг остался ни с чем – одно только воспоминание о свете.

Глава 4

Я резко села, втягивая влажный воздух алебастровой комнаты. Виновато осмотрелась. Не стоило этого делать. Что я выведала? Что он в Большом дворце и в отвратительно хорошем здравии? Жалкие крохи.

Но я не сожалела. Теперь я знала, что он видел, когда посещал меня, какую информацию мог и не мог собирать при нашем контакте. Я приобрела опыт в еще одной области, которая ранее принадлежала только ему. И мне это нравилось. В Малом дворце я боялась этих видений, думала, что схожу с ума, и, что еще хуже, гадала, что они обо мне говорят. Довольно. Хватит с меня угрызений совести. Пусть почувствует, каково это, когда тебя преследуют.

Заболел правый висок. «Я нашел усилители Морозова *для тебя*, Алина». Ложь, замаскированная под правду. Он хотел сделать меня могущественнее, но только потому, что верил, будто сможет меня контролировать. Он до сих пор в это верит, и это пугало. Дарклинг никак не мог знать, что мы с Малом предполагаем, где начинать поиски третьего усилителя, но он не выглядел обеспокоенным. Даже не упомянул о жар-птице. Он казался уверенным, сильным, словно ему и место на том троне. «Я знаю о силе то, о чем ты даже не догадываешься». Я встряхнулась. Может, пока я и не представляю угрозы, но однажды это изменится. Нельзя позво-

лить ему победить еще до того, как у меня появилась возможность дать полноценный отпор.

Раздался короткий стук в дверь. Пришло время. Я обулась и разгладила золотой кафтан, вызывавший чесотку. Возможно, позже я вознагражу себя тем, что засуну эту вещьцу в кипящую кастрюлю.

Служба вышла тем еще представлением. Мне до сих пор было трудно призывать свет так глубоко под землей, но я окутала ослепительным сиянием стены Белого собора, используя все резервы, чтобы вызвать восторг у толпы, стонущей и покачивающейся внизу. Владим стоял слева от меня в распахнутой рубахе, выставляя на всеобщее обозрение отпечаток моей ладони на своей груди. Справа вещал Апрат и, из страха ли или с искренней верой, но делал это очень убедительно. Его голос раскатывался по главной пещере, утверждая, что наша миссия предопределена божественным провидением и что из будущих испытаний я выйду более могущественной, чем когда-либо прежде.

Я изучала его, пока он говорил. Священник выглядел бледнее, чем обычно, немного взмокшим, но не особо пристыженным. Я прикидывала, не будет ли ошибкой оставить его в живых, но пока моими действиями не управляют гнев и сила, казнь – это шаг, который я не готова обдумывать всерьез.

Воцарилась тишина. Я посмотрела на воодушевленные лица людей внизу. В их ликованиях появилось что-то новое,

возможно, потому, что они наконец узрели мою настоящую мощь. Или же Апрат просто хорошо справился со своей задачей. Они ждали от меня каких-нибудь слов. Мне снилась подобная ситуация. Я была актрисой в пьесе, но текста не знала.

– Я... – мой голос надломился. Прочистила горло и попробовала еще раз: – Я вернусь более сильной, чем прежде, – произнесла я образцовым голосом святой. – Вы – мои глаза. – По крайней мере, должны ими стать, чтобы следить за Апратом и беречь друг друга. – Вы – мои кулаки. Вы – мои мечи.

Толпа взорвалась радостными криками. Все как один приветствовали меня: «Санкта-Алина! Санкта-Алина! Санкта-Алина!»

– Неплохо, – прокомментировал Мал, когда я отошла вглубь балкона.

– Я почти три месяца слушала вещания Апрата. Что-то да должно было запомниться.

По моему приказу Апрат объявил, что проведет три дня в уединении, постясь и молясь за успех нашей миссии. Святые стражи последуют его примеру – закроются в архиве под строгим наблюдением солнечных солдат.

– Укрепите их веру, – сказала я Руби и остальным. Надеюсь, что нам хватит трех дней, чтобы уйти как можно дальше от Белого собора. Хотя, зная Апрата, он наверняка убедит отпустить его еще до ужина.

– Я тебя знаю, – сказала Руби, хватая меня за руку, когда я повернулась, чтобы уйти. – Мы вместе служили в полку. Помнишь?

Ее глаза увлажнились, татуировка на щеке выглядела такой черной, будто проступила на поверхности ее кожи.

– Разумеется, – ласково ответила я. Мы не были подругами. В то время Руби больше интересовалась Малом, нежели религией. Я была для нее невидимкой.

Теперь она всхлипнула и поцеловала мне костяшки пальцев.

– Санкта, – горячо прошептала девушка. Каждый раз, когда я думала, что моя жизнь уже не может стать более странной, именно это и происходило.

Освободившись от Руби, я решила напоследок пообщаться с Апаратом наедине.

– Вы знаете, за чем я отправляюсь, священник, и знаете, какой силой я буду обладать, когда вернусь. Ничто не должно случиться с солнечными солдатами или Максимом в мое отсутствие.

Мне не нравилось бросать тут целителя в одиночку, но я не стану приказывать ему идти с нами, ведь неизвестно, с какими опасностями нам придется столкнуться на поверхности.

– Мы не враги, Санкта-Алина, – тихо произнес Апарат. – Ты должна знать, я всегда стремился лишь к одному – увидеть тебя на равкианском престоле.

Я чуть не улыбнулась.

– Я знаю, священник. На престоле и под вашим каблуком.

Он склонил голову набок, словно задумался о чем-то. Из его глаз исчез фанатичный блеск. Взгляд у него был пронизывающий.

– Ты не такая, как я ожидал, – признал мужчина.

– Не такая святая, как вам бы хотелось?

– Менее святая, – не спорил он. – Но, возможно, в тебе больше от королевы. Я буду молиться за тебя, Алина Старкова.

Как ни странно, я ему поверила.

* * *

Мы с Малом встретились с остальными у колодца Четьи – природного источника на перекрестке четырех главных туннелей. Если Апрат все же решит послать за нами воинов, отсюда нас будет сложнее выследить. По крайней мере, такова была задумка, но мы не предвидели, что многие пилигримы захотят проводить нас в путь. Они последовали за гришами от их покоев и теперь толпились вокруг водоема.

Мы были в простой походной одежде, кафтаны спрятали в рюкзаки. Я сменила золотую мантию на тяжелое пальто, меховую шапку и успокаивающий вес ремня с пистолетом на бедре. Если бы не белые волосы, вряд ли бы кто-то из пилигримов меня признал.

Теперь же они тянулись, чтобы прикоснуться к моему рукаву или ладони. Некоторые вручали нам небольшие подарки, свое единственное подношение: черствые краюшки хлеба, спрятанные про запас, гладкие камешки, обрывки кружев, кристаллы соляных лилий. Бормотали молитвы за наше здоровье со слезами на глазах.

Я заметила удивление Жени, когда одна женщина накинула зеленый молитвенный платок ей на плечи.

– Не черный, – сказала она. – Тебе черный не к лицу.

В горле появился комок. Не только Апрат удерживал меня от этих людей. Я сама от них отстранилась. Их вера вызвала у меня сомнения, но в основном я боялась их надежды. Любовь и забота в этих скромных жестах были обузой, которая мне не нужна.

Я расцеловала их в щеки, пожала руки, дала клятвы, которые неизвестно, сдержу ли, а затем мы двинулись в путь. В Белый собор меня доставили на носилках. Но по крайней мере покидала я его на своих двоих.

Мал возглавил процессию. Толя и Тамара замыкали ее и следили, чтобы за нами никто не пошел.

Благодаря доступу Давида к архиву и врожденному чувству ориентации Мала, им удалось составить приблизительную карту туннельной сети. Они начали прокладывать курс к Раевости, но в их данных имелись пробелы. Как бы ни старались они учесть все, мы не знали наверняка, куда попадем.

После моего побега из Ос Альты люди Дарклинга пыта-

лись проникнуть в сеть туннелей под церквями и святылищами Равки. Когда поиски ни к чему не привели, они начали бомбежку: перекрывали выходы, пытались выкурить всех, кто искал убежища, на поверхность. Алкемы Дарклинга изобрели новые взрывчатки, которые рушили здания и запускали горючие газы под землю. Все, что требовалось, это искра одного инферна, и целые секции древней сети туннелей обрушивались. Это одна из причин, по которой Апрат настаивал, чтобы я оставалась в Белом соборе.

Ходили слухи об обвалах к западу от нас, поэтому Мал пошел на север. Не самый прямой маршрут, но мы надеялись, что он хотя бы надежен.

Было приятно идти по туннелям, наконец-то чем-то заняться после стольких недель в заключении. Мое тело ослабло, но я все равно чувствовала себя сильнее, чем в прошлые месяцы, и шла без жалоб.

Я старалась не слишком задумываться о том, что будет, если контрабандистский пункт в Раевости не активен. Как найти принца, который не хотел, чтобы его нашли, и при этом не рассекретить себя? Если Николай жив, он может искать меня или же заключить союз с кем-нибудь еще. В конце концов, откуда ему знать, что я не умерла в битве при Малом дворце?

Чем дальше мы отходили от Белого собора и его странного алебастрового сияния, тем темнее становилось в туннелях. Вскоре дорогу освещали только прыгающие отсветы

фонариков. Местами проходы были настолько узкими, что нам приходилось снимать рюкзаки и протискиваться между стенами. Затем, без всякого предупреждения, мы оказались в огромной пещере, настолько просторной, что в ней можно было бы пасти лошадей.

Мал был прав: когда столько людей путешествуют вместе, они шумны и нерасторопны. Мы невыносимо медленно двигались длинной колонной, с рассредоточенными вдоль линии Зоей, Надей и Адриком; в случае обвала шквальные смогут призвать воздух и обеспечить нас под землей необходимым для спасения временем.

Давид и Женя плелись позади, но, похоже, виноват в этом был Давид. В конце концов Толя не выдержал и снял громоздкий рюкзак с узких плеч Давида.

А затем застонал.

– Да что у тебя в нем?

– Три пары носков, запасные штаны и рубашка. Фляга. Кружка и оловянная тарелка. Цилиндрическая логарифмическая линейка, хронометр, банка елового сока, моя коллекция антикоррозийных веществ...

– Ты должен был взять только самое необходимое.

Давид решительно кивнул.

– Именно.

– Пожалуйста, только не говори, что взял с собой все журналы Морозова, – взмолилась я.

– Конечно, взял!

Я закатила глаза. Там было как минимум пятнадцать книг в кожаных переплетах.

– Может, из них выйдет хорошая растопка для костра.

– Она же шутит? – обеспокоенно спросил Давид. – Я не понимаю, когда она шутит, а когда нет.

Я шутила. По большей части. Я надеялась, что записи подскажут мне путь к жар-птице и, возможно, даже то, как усилители помогут уничтожить Каньон. Но они оказались тупиком, и, честно говоря, немного меня пугали. Багра предупредила о безумии Морозова, но все же я ожидала обнаружить некую мудрость в его работах. Вместо этого я нашла там навязчивую идею, задокументированную неразборчивыми каракулями. Похоже, у гениев не бывает нормального почерка.

В ранних журналах описывались его эксперименты: вычеркнутая формула для жидкого огня, средство предотвращения органического разложения, опыты, которые привели к созданию стали гришей, метод восстановления кислорода в крови, нескончаемый год, который Морозов провел в поисках способа изобрести небьющееся стекло. Его навыки выходили за рамки обычного фабрикатора, и он прекрасно это знал. Одним из главных принципов теории гришей был «подобное притягивает подобное», но Морозов, похоже, верил, что, если мир разобрать на одинаковые маленькие кусочки, каждый гриш сможет ими манипулировать. «Разве мы не всё суть одно?» – требовательно вопрошал он, подчеркнув слова для значимости. Он был высокомерным, дерзким – но все

же здравомыслящим.

Затем начался его труд над усилителями, и даже я заметила перемены. Записи стали более неряшливыми, беспорядочными. Поля заполнились диаграммами и безумными стрелками, ссылающимися на предыдущие отрывки. Хуже всего были описания экспериментов, которые он проводил на животных, иллюстрации его вскрытий. От них у меня скручивало желудок и я начинала думать, что Морозов заслужил свое раннее мученичество. Он убивал зверей и возвращал их к жизни, порой неоднократно, углубляясь в изучение скверны, творения, превосходства жизни над смертью, и пытался придумать, как создать усилители, которые можно использовать вместе. Это запретное могущество, но я понимала его соблазн и с содроганием думала, что подобное стремление и свело его с ума.

Если им и двигала некая благородная цель, я не нашла ее отражения на страницах. Но при этом чувствовала что-то большее в его лихорадочных записях, в утверждениях, что сила повсюду и дается любому. Он жил задолго до создания Второй армии. Морозов был самым могущественным гришом в мире – и эта сила его изолировала. Я помнила слова Дарклинга: «Таких, как мы, больше нет, Алина. И никогда не будет». Возможно, Морозову хотелось верить, что если таких, как он, больше нет, то еще не все потеряно и он сможет создать гриша с величайшей силой. Или же у меня просто разыгралось воображение, под воздействием собствен-

ного одиночества и алчности со страниц журналов Морозова. То, что я знала и чего хотела, жажда поймать жар-птицу, чувство собственного отличия от остальных – все это сплелось в тугой узел, который почти невозможно распутать.

От этих мыслей меня отвлек шум бурлящей воды. Мы приближались к подземной реке. Мал замедлил шаг и поставил меня идти прямо за собой, чтобы освещать ему дорогу. И правильно, поскольку обрыв оказался поблизости – крутой и настолько неожиданный, что я врезалась Малу в спину и чуть не столкнула его за край в воду. Здесь рев стал оглушительным, река быстро неслась на неизвестной глубине, из стремнины поднимались шлейфы тумана.

Мы обвязали веревку вокруг талии Толи, и он перешел вброд, после чего закрепил ее на другой стороне, чтобы мы все могли пройти, цепляясь за трос. Вода была ледяной и доставала до самой груди, течение едва не сбивало с ног, хотя я крепко держалась за веревку. Хэршоу переходил последним. Я на секунду ужаснулась, когда он оступился и чуть не отпустил трос. Затем вынырнул, хватая ртом воздух; Накошка вся промокла и шипела от ярости. К тому времени, как Хэршоу дошел до нас, его лицо и шея были покрыты узором из крошечных царапин.

После этого все мечтали сделать привал, но Мал настоял, чтобы мы двигались дальше.

– Я промокла насквозь! – ворчала Зоя. – Почему мы не можем остановиться в *этой* влажной пещере, а не в следую-

щей?

Мал не сбросил темп, но указал большим пальцем на реку.

– Вот из-за нее, – попытался он перекричать грохот воды. – Если за нами следили, им будет очень легко внезапно атаковать нас под такой шум реки.

Зоя насупилась, но мы продолжили идти, пока наконец река не осталась далеко позади. Ночь мы провели в полости во влажном известняке, где не раздавалось ни звука, кроме стука наших зубов, пока мы дрожали в мокрой одежде.

* * *

Так продолжалось еще два дня. Мы шли по туннелям, то и дело возвращаясь назад, когда дорога оказывалась непроходимой. Я потеряла всякое чувство ориентации, но когда Мал объявил, что мы сворачиваем на запад, заметила, что проходы начали подниматься вверх, выводя нас на поверхность.

Мал задал невыносимо быстрый темп. Чтобы поддерживать связь, ему с близнецами приходилось пересвистываться друг с другом с разных концов колонны, дабы убедиться, что никто не отстал. Иногда он выходил из строя, чтобы проверить, все ли в порядке.

– Я вижу, что ты придумал, – сказала я как-то раз, когда он вернулся в начало колонны.

– И что же?

– Ты бежишь назад, когда кто-то отстает, начинаешь бе-

седу. Спрашиваешь Давида о свойствах фосфора или Надю о ее веснушках...

– Я никогда не спрашивал Надю о ее веснушках.

– Не о них, так о чем-то *другом*. Затем ты начинаешь постепенно ускорять темп, и им приходится идти быстрее.

– Это работает лучше, чем если бы я тыкал в них палкой.

– Но не так весело.

– У меня просто уже рука устала.

Затем он ушел вперед. Это был самый длинный наш разговор с тех пор, как мы покинули Белый собор.

А вот у остальных проблем с разговорчивостью не было. Тамара пыталась научить Надю шуханским балладам. К сожалению, у нее ужасная память, зато у ее брата почти идеальная, так что он перехватил инициативу. Как оказалось, молчаливый Толя мог зачитать все циклы эпических сказаний на равкианском и шуханском – даже если никто не хотел их слышать.

Хоть Мал и приказал строго придерживаться строя, Женя часто выбегала в начало колонны, чтобы пожаловаться мне.

– Все его поэмы о бравом герое Креги, – ныла она. – Все без исключения! У него всегда есть конь, и нам приходится слушать о жеребце, трех разных видах мечей, о цвете шарфа на его запястье и обо всех несчастных монстрах, которых он убил, а в конце – о том, каким он был честным и добрым человеком. Для наемника Толя чересчур сентиментален.

Я посмеялась и оглянулась назад, хоть не могла ничего

разглядеть.

– И как Давиду эти стихотворения?

– Он ничего не видит и не слышит. Последний час он что-то бормотал о минеральных соединениях.

– Может, в конце концов они с Толей убаюкают друг друга, – буркнула Зоя.

Чья бы корова мычала. Хоть они все эфиреалы, единственное, что было общего между шквальными и инферном, это, похоже, любовь к спорам. Стигг не хотел идти рядом с Хэршоу, поскольку терпеть не мог кошек. Хэршоу постоянно обижался за свою питомицу. Адрик должен был идти посередине группы, но хотел быть поближе к Зое. Зоя же часто отставала от начала колонны, чтобы избавиться от Адрика. Я уже жалела, что не перерезала веревку и не бросила их всех тонуть в реке.

А Хэршоу не просто раздражал меня, но и беспокоил. Ему нравилось водить кремнем по стенам пещер, высекая маленькие искорки, и он постоянно доставал кусочки твердого сыра из кармана, чтобы покормить Накошку, после чего хихикал, словно та сказала что-то невероятно забавное. Однажды утром мы проснулись и обнаружили, что он обрил волосы на голове с двух сторон и оставил одну широкую багряную полосу по центру.

– Что ты наделал? – завопила Зоя. – Ты похож на больного петуха!

Хэршоу просто пожал плечами.

– Накошка настаивала.

Тем не менее, изредка туннели удивляли такими чудесами, которые лишали дара речи даже эфиреалов. Нам часами было не на что смотреть, кроме как на серые камни и покрытую грязью известь, как вдруг мы вышли в голубую пещеру, настолько идеально круглую и гладкую, словно мы оказались в гигантском эмалевом яйце. Наша процессия наткнулась на череду маленьких пещер, мерцающих какими-то камнями, которые вполне могли быть настоящими рубинами. Женя прозвала их Шкатулкой с драгоценностями, после чего мы начали придумывать названия для каждой, чтобы скоротать время. Там был и Фруктовый сад – пещера, полная сталактитов и сталагмитов, соединившихся в тонкие колонны. А меньше чем через день мы вышли в Танцевальный зал – длинную пещеру из розового кварца с таким скользким полом, что пришлось по нему ползти, а иногда и проезжаться на животах. Из него мы вышли к жутковатой, частично затопленной железной опускной решетке, которую мы нарекли Вратами ангелов. По ее сторонам были расположены две крылатые каменные фигуры со склоненными головами и руками, покоящимися на мраморных палашах. Лебедка работала, и мы прошли через ворота без приключений, но зачем их там поставили? И кто?

На четвертый день мы обнаружили себя в пещере с совершенно неподвижным озером, дававшим иллюзию отражения ночного неба: его глубины мерцали от крошечных светящих-

ся рыбок.

Мы с Малом немного опережали остальных. Он окунул руку в воду, а затем ойкнул и быстро выдернул.

– Они кусаются!

– И поделом тебе, – сказала я. – О, гляньте-ка, целое озеро с чем-то светящимся! Надо засунуть туда руку.

– Я не виноват, что такой вкусный, – парировал он со знакомой нахальной ухмылкой, осветившей его лицо, как свет воду. Затем опомнился. Мал поправил рюкзак, и я поняла, что он сейчас уйдет.

Я не успела осознать, почему произнесла эти слова:

– Ты не подвел меня, Мал.

Он вытер мокрую руку о бедро.

– Мы оба знаем, что это ложь.

– Мы будем путешествовать вместе еще неизвестно сколько времени. В конце концов тебе придется поговорить со мной.

– Я говорю с тобой прямо сейчас.

– Видишь? Неужели это так ужасно?

– Не было бы ужасно, – произнес он, твердо глядя на меня, – если бы говорить с тобой – это было бы все, чего я хочу.

Мои щеки зарделись. «Ты не хочешь этого», – сказала я себе. Но в то же время чувствовала, как пламенею, словно край листа бумаги, поднесенного к огню.

– Мал...

– Мне нужно защитить тебя, Алина, сосредоточиться на

главном. Я не смогу этого делать, если... – он шумно выдохнул. – Ты предназначена для чего-то большего, чем я, и я умру сражаясь, чтобы добиться для тебя этого будущего. Но, прошу, не заставляй меня делать вид, будто это легко.

Он быстро зашагал к следующей пещере.

Я посмотрела на мерцающее озеро, дуги света в воде, до сих пор расходящейся кругами от короткого прикосновения Мала. Слышала, как остальные шумно брели через пещеру.

– Накошка постоянно меня царапает, – сказал Хэршоу, подойдя ко мне.

– Мм? – равнодушно отозвалась я.

– Но самое забавное, что она все равно предпочитает оставаться рядом.

– Ты решил пофилософствовать, Хэршоу?

– Вообще-то я гадал, стану ли я сиять, если съем эту рыбу?

Я покачала головой. Конечно, один из последних живых инфернов должен был оказаться безумцем. Я нагнала остальных и направилась в следующий туннель.

– Пошли, Хэршоу, – крикнула я через плечо.

Тогда-то и раздался первый взрыв.

Глава 5

Вся пещера содрогнулась. На нас тонкими струйками посыпалась галька.

Мал мгновенно подскочил ко мне. Он оттолкнул меня из-под падающего камня, а Зоя встала с другой стороны.

– Тушите свет! – крикнул Мал. – Снимайте рюкзаки!

Мы привалили рюкзаки к стенам, чтобы создать своего рода поддержку, и погасили фонари на тот случай, если искры спровоцируют еще один взрыв.

Бум! Над нами? К северу от нас? Невозможно определить.

Шли долгие секунды. *Бах!* Этот ближе, громче. На наши склоненные головы посыпались камни и грязь.

– Он нашел нас, – простонал Сергей прерывающимся от страха голосом.

– Невозможно, – возразила Зоя. – Даже Апрат не знал, куда мы направляемся.

Мал немного отполз. Я услышала шорох гальки.

– Это случайное нападение, – сказал он.

Голос Жени дрожал, когда она прошептала:

– Эта кошка приносит неудачу.

Бум! Так громко, что у меня клацнула челюсть.

– *Метан йез*, – осенило Давида. Болотный газ.

Я учуяла его секундой позже, торфянистый и неприятный. Если над нами были inferны, одной искры хватит, чтобы

превратить нас в пыль. Кто-то заплакал навзрыд.

– Шквальные, – приказал Мал, – отправьте его на восток. Как он мог оставаться таким спокойным?

Я почувствовала, как зашевелилась Зоя, затем ощутила поток воздуха, когда она с остальными погнала газ прочь от нас.

Бах! Было трудно дышать. Пространство будто уменьшилось.

– О, ради всех святых, – просипел Сергей.

– Вижу огонь! – крикнул Толя.

– Отправьте его на восток, – твердо повторил Мал. Последовал свист ветра шквальных. Тело Мала напряглось рядом со мной. Я попыталась нащупать его руку. Наши пальцы переплелись. С другой стороны послышался тихий всхлип, и я потянулась свободной рукой к Зое, беря ее за ладонь.

БУМ! На сей раз по всему туннелю пронесся рев от падающих камней. Я услышала крики людей в темноте. Легкие наполнились пылью.

Когда шум прекратился, Мал сказал:

– Фонари не используем. Алина, нам нужен свет.

Было трудно, но я нашла лучик света и позволила ему распространиться по туннелю. Мы все были покрыты пылью, в глазах застыл испуг. Я быстро пересчитала всех: Мал, Женя, Давид, Зоя, Надя, Хэршоу... Накошка у него за пазухой.

– Толя? – крикнул Мал.

Ничего. Затем:

– Мы в порядке.

Голос Толи донесся из-за стены обвалившихся камней, заблокировавших туннель, но он был ясным и сильным. С облегчением я вжала голову в колени.

– Где мой брат? – взвизгнула Надя.

– Он со мной и Тамарой, – ответил Толя.

– Сергей и Стигг? – спросила я.

– Не знаю.

Святые...

Мы ждали очередного взрыва, после которого на нас обрушится оставшаяся часть туннеля. Когда ничего не произошло, начали копать, ориентируясь на голос Толи, пока они с Тамарой рыли с другой стороны. Через пару минут мы увидели их руки, а затем и грязные лица. Они перебрались в нашу часть туннеля. Как только Адрик опустил руки, потолок над тем местом, где они только что стояли, рухнул, подняв облако пыли и камней. Мальчишку сильно трясло.

– Ты поддерживал пещеру? – спросила Зоя.

Толя кивнул.

– Он сотворил воздушный пузырь, как только мы услышали последний взрыв.

– Хм... Я впечатлена, – обратилась она к Адрику.

Увидев ликование, озарившее его лицо, девушка застонала.

– Забудь. Я понижаю похвалу до неохотного одобрения.

– Сергей? – позвала я. – Стигг?

Тишина, шорох щебня.

– Дай-ка я кое-что попробую, – сказала Зоя. Подняла руки. У меня затрещало в ушах, воздух будто уплотнился. – Сергей? – крикнула она. Как ни странно, ее голос звучал будто издалека.

Затем я услышала ответ Сергея, слабый и дрожащий, но ясный, как если бы он стоял прямо рядом со мной.

– Здесь, – выдохнул он.

Зоя пошевелила пальцами, внося какие-то изменения, и снова позвала Сергея.

Когда он откликнулся на этот раз, Давид сказал:

– Такое впечатление, будто звук раздается под нами.

– Может, и нет, – возразила Зоя. – Акустика обманчива.

Мал прошел дальше по проходу.

– Нет, он прав. Должно быть, в той части туннеля провалился пол.

Нам потребовалось почти два часа, чтобы найти их и откопать – Толя рыл почву, Мал выкрикивал указания, шквальные поддерживали стены туннеля воздухом, а я обеспечивала тусклое освещение, в то время как другие встали в линию, чтобы передавать по цепочке камни и песок.

Когда мы откопали Стигга и Сергея, они были покрыты грязью и почти без сознания.

– Понизил пульс, – хрипло пробормотал Сергей. – Замедлил дыхание. Тратить меньше воздуха.

Толя и Тамара привели их в чувство, разогнали сердцеби-

ение и наполнили легкие кислородом.

– Мы думали, вы не придете, – невнятно сказал изможденный Стигг.

– Почему? – удивленно воскликнула Женя, осторожно смахивая грязь вокруг его глаз.

– Он сомневался, что вам есть до нас дело, – ответил Хэршоу позади меня.

Послышались тихие возражения, некоторые виновато переглянулись. Я действительно считала Стигга и Хэршоу чужаками. А Сергей... что ж... мы давно уже его потеряли. Никто из нас искренне не пытался с ними сблизиться.

Когда Сергей и Стигг достаточно оправились, чтобы двигаться, мы вернулись в уцелевшую часть туннеля. Один за другим шквальные отпустили свою силу, и мы ждали, выдержит ли потолок, чтобы они могли отдохнуть. Затем смахнули пыль и грязь с лиц и одежды друг друга, насколько это было возможно, и передали флягу кваса по кругу. Стигг вцепился в нее, как ребенок в бутылку с молоком.

– Все в порядке? – спросил Мал.

– Лучше не бывает, – дрожа ответила Женя.

Давид поднял руку.

– А у меня бывало.

Все рассмеялись.

– Что? – спросил он.

– Как ты это сделала? – поинтересовалась Надя у Зои. – Тот фокус со звуком?

– Всего лишь один из способов создания акустической аномалии. Мы часто играли так в школе, чтобы подслушивать разговоры людей в других комнатах.

Женя фыркнула.

– Ну, кто бы сомневался.

– Можешь показать, как это сделать? – попросил Адрик.

– Если мне будет очень скучно.

– Шквальные, – обратился Мал, – вы готовы двигаться дальше?

Все кивнули. Их лица светились, как часто бывает после использования силы, но я знала, что они уже на пределе своих возможностей. С полмили они поддерживали тонны камней над нами – им требовалось больше пары минут передышки, чтобы восстановиться.

– Тогда давайте выбираться отсюда, – сказал Мал.

Я осветила путь, по-прежнему испытывая опасения по поводу того, какие сюрпризы могут нас ждать впереди. Мы шли осторожно, со шквальными начеку, петляя по туннелям и проходам, пока я окончательно не потеряла ориентацию в пространстве. Мы далеко отклонились от курса, который проложили Давид с Малом.

Каждый звук казался усиленным. Каждое падение камешков заставляло нас остановиться, застыть в ожидании худшего. Я пыталась думать о чем угодно, кроме веса грунта над нами. Если земля рухнет, а шквальных подведет сила, нас раздавит, и никто даже не узнает. Мы будем как полевые

цветы, зажатые между страницами забытых книг.

Постепенно я начала замечать, что мои ноги стали больше напрягаться – уклон почвы пошел вверх. Послышались вздохи облегчения, несколько тихих и радостных восклицаний, и уже меньше чем через час мы столпились в каком-то подвальном помещении, глядя снизу вверх на крышку люка.

Земля здесь была влажной, местами собирались лужицы – признак того, что мы находимся рядом с речными городами. При свете, идущем из моих ладоней, мы заметили, что каменные стены пошли трещинами, но был ли ущерб давним или нанесен недавними взрывами – кто знает.

– Как ты это сделал? – спросила я Мала.

Он пожал плечами.

– Так же, как и всегда. На поверхности есть дичь. Я просто отнесся к этому как к охоте.

Толя достал из кармана пальто старые часы Давида. Интересно, когда он их заполучил...

– Если эта штука правильно показывает время, солнце уже давно зашло.

– Их нужно заводить каждый день, – предупредил Давид.

– Я знаю.

– Ну, так ты их завел?

– Да.

– Тогда время точное.

Я задумалась, не стоит ли напомнить Давиду, что кулак Толи примерно того же размера в окружности, что и его го-

лова.

Зоя фыркнула.

– С нашим везением кто-то непременно решит устроить полночную мессу.

Большинство входов и выходов из туннелей находились в святых местах – но не все. Мы могли оказаться в апсиде церкви или дворике монастыря, или же высунуть головы из подпола в борделе. «И вам доброго дня, сударь». Я подавила безумный смешок. Усталость и страх плохо влияли на мой рассудок.

Что, если кто-то поджидает нас наверху? Что, если Апрат снова переметнулся на другую сторону и натравил на нас Дарклингга? Я не могла рассуждать здраво. Мал считал, что взрывы в туннелях были случайным нападением, и это единственное, что имело смысл. Апрат не мог знать, где и когда мы окажемся. И даже если бы Дарклингг каким-то чудом пронюхал, что мы направляемся в Раевость, зачем использовать бомбы, чтобы выкурить нас на поверхность? Он мог просто подождать, пока мы выйдем сами.

– Идем, – сказала я. – Я начинаю задыхаться.

Мал подал сигнал Толе с Тamarой, чтобы они встали по бокам от меня.

– Будьте начеку, – сказал он им. – Уводите ее при любом намеке на опасность. Бегите по туннелям на запад так далеко, как только сможете.

Только когда мы начали подниматься по лестнице, я вдруг

поняла, что все ждали, чтобы он пошел первым. Близнецы были более опытными бойцами, а Мал – единственным отказником среди нас. Так почему же он брал на себя основной риск? Мне хотелось окликнуть его, сказать, чтобы был осторожным, но это прозвучит абсурдно. «Осторожность» – больше не наш метод.

На вершине лестницы он подал мне знак, и я погасила свет, погружая всех во тьму. Послышался удар, звук несмазанных петель, затем тихий шорох и скрип открывающегося люка. Было темно, криков со стрельбой не последовало.

Мое сердце рвалось из груди. Я прислушивалась к шорохам, которые издавал Мал, подтянувшись наверх, к его шагам над нами. Наконец раздался чирк спички, и через люк полилось сияние. Мал дважды свистнул – все чисто.

Один за другим мы выбрались наверх. Когда я высунула голову через люк, по моей спине пробежали мурашки. Комната была шестиугольной, стены вырезаны из чего-то похожего на синий лазурит, каждая покрыта деревянными панелями, на которых нарисованы разные святые; их золотые нимбы блестели в свете фонаря. Углы густо укутаны молочной паутиной. Фонарь Мала стоял на каменном саркофаге. Мы попали в склеп.

– Чудесно, – сказала Зоя. – Из туннеля в гробницу. Что дальше, выход в скотобойню?

– Мезле, – отозвался Давид, указывая на одно из имен, вырезанных на стене. – Они были древним родом гришей.

Одна из них даже училась в Малом дворце, прежде чем...

– Прежде чем все умерли? – участливо предположила Женя.

– Зива Мезле, – тихо произнесла Надя. – Она была шквальной.

– Нельзя ли помянуть ее где-нибудь в другом месте? – спросила Зоя. – Я хочу поскорее уйти отсюда.

Я потерла руки. Ее слова не лишены смысла.

Дверь была сделана из тяжелого железа. Толя и Мал навалились на нее плечами, шквальные выстроились позади них, вытянув руки, а инферны – кремни. Я заняла позицию позади всех, приготовившись орудовать разрезом, если появится необходимость.

– На счет три, – скомандовал Мал.

У меня вырвался смешок. Все обернулись.

Я залилась краской.

– Ну, мы скорее всего на кладбище, и сейчас выбежим из гробницы.

Женя хихикнула.

– Если там кто-то есть, мы их напугаем до чертиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.